

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

С.О. Курбанов

С БЛОКНОТОМ ПО КОРЕЕ

ВЕРСИЯ 2.0

Сергей Курбанов

С блокнотом по Корее. Версия 2.0

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2020

УДК 82-43
ББК 63.3(5)

Курбанов С. О.

С блокнотом по Корее. Версия 2.0 / С. О. Курбанов — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2020

ISBN 978-5-288-05953-7

Полюбив однажды корейский язык, автор со временем превратился в глубочайшего знатока культуры, традиций Кореи. Он многократно бывал и на Юге, и на Севере полуострова, наблюдая, как меняется жизнь в двух разных государствах. От его пытливого взгляда не укрылись самые разные стороны жизни северных и южных корейцев – связанные с традицией и едва намечившиеся, понятные любому и требующие пояснений знатока. Короткие рассказы о приключениях русского в Корее, которые созданы Сергеем Курбановым, давно понравились читателю. Их новая редакция, расширенная и дополненная, может заинтересовать и тех, кто очень любит страны Дальнего Востока, и тех, кому только хочется познакомиться со страной Утренней Свежести.

УДК 82-43
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-288-05953-7

© Курбанов С. О., 2020
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2020

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Глава 1	7
1. Город контрастов	7
2. Как корейцев учили ездить на эскалаторе	9
3. Таксисты-заряжалы	11
4. Перекрашенные автобусы	12
5. Нет урн, а таксофоны есть	12
6. Нищенка и офистель	13
7. Новый старый Итхэвон	16
8. Фантастическая прогулка по ночному Сеулу	18
9. Вход несовершеннолетним запрещен	19
Глава 2	21
1. Выбирай класс	21
2. Поездка в город Иксан	22
3. Стар и млад	25
4. Экспедиция в уезд Чинчху 21–24 июня 1995 года	26
5. Снова экспедиция – в уезд Чанхын	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Олегович Курбанов

С блокнотом по Корее. Версия 2.0

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

© С.О.Курбанов, 2020

Предисловие

Люди любят рассуждать, давать оценки другим.

Когда речь заходит о зарубежной культуре, с которой нужно познакомиться, то, как правило, тот или иной автор, описывающий ее, норовит дать ей оценку со своей точки зрения. Это вполне понятно. Но прямая авторская оценка – это как цветные очки, представляющие мир в одном, авторском тоне.

Любая культура многогранна. Она имеет бесчисленные оттенки, которые невозможно передать в кратких резюме исследователя. Что делать? Как представить культуру другого народа более адекватно?

Для этого можно обратиться художественному описанию, но с той лишь разницей, что если в художественной литературе автору позволено выдумывать, создавать свой собственный мир, не всегда отражающий реально существующее, то в художественном описании иной культуры автору непозволительно фантазировать. Ему дано только одно право – по возможности ярко отражать ту настоящую жизнь, с которой он столкнулся.

Предлагаемая читателю книга – это сборник коротких заметок и сюжетных рассказов, основанных на личном опыте пребывания автора в двух корейских государствах – в Республике Корея (в Южной Корее) и в КНДР (в Северной Корее).

Авторский опыт жизни в Корее особенный, поскольку он основан на знании языка и культуры страны. Когда ты говоришь на языке, когда знаешь этикет и ритуал и когда, ко всему прочему, членами твоей семьи по воле обстоятельств становятся представители изучаемой культуры, зарубежная страна начинает раскрываться перед тобой совершенно особым образом, позволяя окунуться в такие глубины, которые закрыты от постороннего иностранного гостя.

Настоящая книга – это не мемуары, хотя самое раннее событие, описанное в ней, относится к далекому 1987 году. Подавляющее большинство записей сделано в течение нескольких дней после того, как что-то происходило. Таким образом, в тексте книги читатель может найти не только детальные подробности, но и свежесть и остроту ощущений.

Последние события, описанные в книге, относятся к 2018 году.

Но самое главное, что объединяет все заметки и сюжеты, – это не сиюминутные перипетии, а именно то, что присутствует в культуре Южной и Северной Кореи уже давно и будет актуальным достаточно долго: отношение людей между собой, к иностранцам, к государству.

Итак, в дорогу! В путешествие по Южной и Северной Корее! Путешествие во времени и пространстве!

Часть I

Южная Корея

Глава 1

Здравствуй, Южная Корея! Привет, Сеул!

1. Город контрастов

Автостоянка в аэропорту Кимпхо¹ платная. Для советского человека в 1990 году это в диковинку. При выезде изволь выложить деньги. Контрольно-пропускной пункт – несколько будок со служащими. Будки расставлены в ряд и разделены шлагбаумами. Перед ними – маленькие светофоры.

Аэропорт практически влит в город. И дорога из него – это просто городская улица. Ночью поражает обилие светящихся красных неоновых крестов. Они не венчают купола церквей или шпили храмов. Просто как бы висят в темноте. Их очень много. Днем становится видно, что они могут быть установлены на крышах домов, первые этажи которых занимают магазины или офисы, и лишь несколько комнат на каком-либо из этажей отведены для культовых целей. В Южной Корее очень распространены протестантизм и католицизм. Многие из корейцев начинают принимать христианство уже в зрелые годы. Создается впечатление, что быть христианином – это признак хорошего тона для любого, кто хочет быть преуспевающим, своего рода социальная мода.

Пока ехали по ночному Сеулу в гостиницу, обратил внимание на то, что местами дороги были перекрыты черно-белыми металлическими «быками», что напомнило мне реалии Северной Кореи. Кстати, граница с Северной Кореей расположена менее чем в тридцати километрах от аэропорта. Может быть, оттого и такие меры безопасности?

* * *

Несмотря на бурное строительство и прогресс, в Сеуле остается еще немало мест с очень убогими, отсталыми даже в сравнении с Северной Кореей жилищами²: крохотные глинобитные одноэтажные домики с угольным отоплением, туалетами на улице, чуть ли не единственным на весь дом краном холодной воды. Как правило, такие дома составляют целые кварталы, расположенные в относительно труднодоступных для обычного городского транспорта местах – на склонах крутых холмов. Туда ходят крохотные автобусики, начинающие свой маршрут от станций метро или других транспортных узлов. Они называются «деревенскими автобусами» – *маьль посы*.

Действительно, и нравы в таких районах деревенские: двери домов часто открыты нараспашку, где-то поблизости собираются соседи, чтобы обсудить последние новости, гурьбой из двора во двор перебегают дети.

---

¹ Корейские названия и имена приведены так, как это было бы правильнее передать при переводе на русский язык, за исключением случаев, которые уже утвердились в русской письменной традиции. – *Здесь и далее примечания автора.*

² К 2019 году подобных кварталов в Сеуле практически совсем не осталось.

Примером такого района мог служить квартал Тонсун в Хехва. Теперь от него мало что осталось: отчасти его заменил прекрасный парк с восстановленной старинной городской стеной.

* * *

Центральная часть Сеула в 1990 году показалась очень контрастной. Великолепные здания, сверкающие небоскребы. И тут же внизу – узкий переулочек с кривыми стенами домов, какими-то шиферными перекрытиями, узкими бетонными дорогами. Тесные проходы между прилавками, за которыми женщины что-то готовят и продают. Можно сразу поесть. Порция горячих бобов стоит около доллара.

Маленькие газетные лавочки забиты самым разным товаром. Кроме печатных изданий – сигареты, жевательная резинка, сладости, женские тоник... Пространства в них так мало, что продавцу не развернуться внутри, и единственная приемлемая поза – это сидеть скорчившись, сложив ноги по-корейски.

* * *

На центральных улицах Сеула, иногда на рынках нередко можно было увидеть нищих калек. Чаще всего у них повреждены ноги. Ноги безжизненно болтаются и обернуты черной резиной. Некоторые калеки вообще без ног. Они передвигаются или ползком по земле, или на низенькой тележке. Если на тележке, то на нее поставлен еще и магнитофон, часто автомобильный, с большими колонками. В руке – микрофон. Под фонограмму они поют песни. Бывает, что просто крутят музыку. Прохожие бросают им мелкие деньги, 100–1000 вон. Порой денег бывает достаточно много. Иностранцы подают валюту. Но это – «официальные нищие». Их не гоняет полиция, их можно фотографировать, снимать на видеокамеру. Однако есть еще и другая категория нищих. О них – чуть ниже.

* * *

Вело- и моторикши³ – особенность Сеула 1990 года. За сиденьем велосипеда или мотоцикла (мотороллера) из металлических труб сооружены своего рода стеллажи высотой примерно в три мотоцикла. Если они доверху заполнены грузом, то становится удивительно и даже немного жутко, когда думаешь о том, как все это не падает. Вело- и моторикши приравниваются к пешеходам и вместе с ними переходят улицу по зеленому сигналу светофора, беспрепятственно ездят по тротуарам. Очевидно, что работа у них не из легких, так как ею занимаются в основном молодые.

Есть в Сеуле и «грузовые рикши» классического типа: как правило, это бедняки в возрасте, тянущие за собой двухколесную телегу. Днем, да еще в центре города их увидеть почти невозможно.

---

³ Рикша – это условное название профессии, так как нынешние рикши перевозят в основном грузы. Для людей предназначены дешевые и комфортные такси. Однако что-то напомнило мне в этих перевозчиках грузов северокорейских велорикш и традиционных рикш. Поэтому и решил употребить такое не совсем подходящее для Южной Кореи слово.

* * *

Развитие в Южной Корее происходит неравномерно. Все зависит от региона страны или района города. Вот, например, есть старый Сеул, или старая Корея, а есть новые кварталы из стекла, металла и бетона, обсаженные соснами, лиственными деревьями и кустарниками, построенные у новых кварталов с современными производственными комплексами. Это – две Кореи, два совершенно разных образа жизни.

В старых кварталах – узкие улочки, постоянный резкий запах канализации (смесь химических и биологических отходов), убогие интерьеры жилищ: белые виниловые обои, блеклая краска на рамах и потолочных плинтусах, желтый линолеум на полу, энергосберегающие лампы на потолке. Кривые стены коридоров, крутые лестницы и перекрытия, о которые легко удариться головой.

В таких кварталах подобные же убогие рестораны, магазины. Много магазинов подержанной мебели, бытовой техники.

Новые кварталы – это компьютеризированные здания, где расчет потребляемой электроэнергии, тепла и воды идет в режиме онлайн, где в чистых и красивых лифтах приятный женский голос сообщает о номере этажа, где доступ на этажи и в квартиры осуществляется по электронному коду. Новые материалы, новые технологии. Такие же культурно-бытовые кварталы: все новое, блестящее, с претензиями на красивый интерьер. Но... все так же бездушно и убого.

И в старых, и в новых кварталах жизнь такова, что ее можно назвать одним корейским словом – *тантанхада* (#####), что означает «спертый, душный, тесный». И вправду, негде развернуться фантазии и душе человеческой: все зажато, определено, зарегулировано, и никак не выбраться из строго очерченного круга: работа, имидж, тяжелая старость. Средний возраст увольнения с основного места работы – 53–60 лет, а дальше – что хочешь, то и делай. Хоть таксистом работай, хоть вахтером. С пенсиями, если только человек не был госслужащим, сложно, они составляют примерно \$100–230 в месяц.

И водка корейская *сочжу* по цене доллар за 250 мл вряд ли здесь поможет.

2. Как корейцев учили ездить на эскалаторе

До конца 1990-х в Южной Корее почти не было «настоящих» эскалаторов. Те, что в больших универсамах, движутся медленно, и участки подъема или спуска относительно короткие. Да и кто спешит в больших и дорогих магазинах?

Метро в Сеуле также не было особо глубоким. Все спуски и подъемы обеспечивались обычными лестницами. Поэтому на эскалаторах, движущихся как на подъем, так и на спуск, люди стояли по обеим сторонам ступенек.

Но вот в 1998 году в строй вступила новая, пятая линия сеульского метро, относительно глубокого залегания. Она пересекает даже реку Ханган под дном русла, а не идет через мосты, как на первых четырех ветках. И на этой линии впервые появились длинные эскалаторы. Поначалу, год – полтора, корейцы так и ездили на них, словно в универсамах: занимая обе стороны ступенек и не оставляя проход для тех, кто спешит.

А в 2000-м у всех эскалаторов в метро появились надписи, призывавшие пассажиров, стоящих на ступенях, располагаться справа, а тех, кто желает идти пешком, – держаться левой стороны. Однако, очевидно, эти призывы не слишком эффективно воздействовали на пассажиров.

И вот 29 августа 2000 года в четыре часа дня у одного из новых эскалаторов станции метро «Чонно-самга» («Третья улица Колокольной дороги») я заметил юношу, одетого в уни-

форму работника метро. Через плечо у него была перекинута черная лента с надписью. В руке юноша держал плакат, призывавший к правильному пользованию эскалатором. Время от времени он громко кричал, обращаясь к пассажирам: «Становитесь на правую часть ступеней эскалатора! На правую часть!»

* * *

В начале 1990-х в часы пик в сеульском метро было необычайно много народа. В поезд было просто не войти. Люди набивались в вагоны как селедка в бочке.

Теперь даже в самые напряженные часы (если только в метро не проходит очередная забастовка, когда поезда почти не ходят) в вагонах метро достаточно свободно.

Это и понятно. В начале 1990-х на весь Сеул было всего 4 линии метро, к 2003 году – аж 8 и еще две пригородные линии, органично вписанные в столичный метрополитен. В 2018 году в Сеуле уже 9 основных номерных линий и 14 пригородных, связанных с центром города и имеющих имена собственные по названию тех местностей, до которых они доходят. Ко всему прочему, некоторые решили отказаться от метро и предпочитают пользоваться личным наземным транспортом.

Стоимость проезда в метро за это время тоже выросла в несколько раз. Если в 1990-м минимальная плата за проезд (в Сеуле плата берется по зонам, в зависимости от расстояния) составляла 250 вон, то в 2003-м – 700 вон, а в 2018-м уже 1250 вон для взрослых, и это при оплате транспортной картой. Для младших школьников и подростков предусмотрены льготы.

Также любопытно отметить, что «хозяева» у старых четырех линий метро и у новых различные. Старые линии принадлежат городу, а новые – частным инвесторам.

* * *

Южная Корея – страна, которая активно учится у всего мира. Стремительно трансформируется – и все в интересах граждан.

В середине 2000-х годов все станции сеульского метро, имевшие открытые платформы, получили стеклянные стены и двери, отделяющие поезда от платформ для безопасности пассажиров.

А в июле 2011 года я обнаружил еще пару новшеств: голос диктора перестал быть исключительно женским: появились объявления, произносившиеся приятным мужским голосом. Да и звуковые сигналы, сообщающие о приближающемся поезде, стали более разнообразными и, так сказать, музыкальными.

Но это еще что! В середине июля сеульская общественность озаботилась вопросом бездомных, обитающих у железнодорожного вокзала: решили создать для них сеть свободных кафе со спальными местами, душем, телевизором, телефоном и даже литературой для чтения...

* * *

Теперь в метро мужчины, да и молодые женщины также практически всегда уступают место пожилым людям и женщинам с детьми.

На автобусной остановке при посадке в транспорт женщин тоже, как правило, пропускают вперед.

3. Таксисты-заряжалы

В Корее нет проблем с такси. Об этом возвещают все рекламные проспекты, то же подтверждает действительность.

Однажды у главного входа в гостиницу «Лотте» я увидел, как водитель такси остервенело ругается с полицейским, пытающимся прогнать его со стоянки. Слишком много машин подъезжает к гостинице, и долго находиться около нее нельзя. Высадил пассажира – и поезжай себе.

Водитель такси продолжал настаивать на своем. Тогда полицейский подозвал напарника, и они вдвоем пытались затолкать водителя в его машину. Началась драка. К счастью, вскоре подошел клиент, с которым еще раньше уговорился шофер. Довольный, он повез пассажира, и конфликт на том и был исчерпан.

Цена за такси сравнительно невелика. Были раньше особые автомобили с синей полосой на белом корпусе и цифрами 88 на крыше. Это – скоростное такси, с большим салоном и известной степенью комфорта, дороже обычного почти в два раза.

Однако ночью – сплошной произвол.

Одному артисту Санкт-Петербургского (Ленинградского) балета на льду, гастролировавшему в Сеуле, ночью стало плохо. Его мучили страшные боли от камней в почках. Нужно было ехать в больницу. И лучше на такси. Слишком велика плата за скорую помощь, да и толку от нее немного. Было четыре часа утра. Я позвонил в лобби гостиницы, заказал машину. Мне ответили, что такси будет ждать внизу. Оказалось, что подали такси особой комфортности «88». Сели в машину. До больницы ехать минут пять, если не меньше. К моему удивлению, таксометр был выключен, и на его дисплее светилась надпись: «машина свободна». У меня мелькнула мысль, что, может, из сострадания к больному человеку, гостю страны, водитель вообще не возьмет платы за проезд. Приехали. Водитель такси сказал, что подождет у обратной стороны больницы. Через полчаса все необходимая помощь больному была оказана, и мы уже ехали обратно. Каково же было мое удивление, когда за всю поездку водитель запросил 10 тыс. вон. В то время это соответствовало примерно \$15 и раза в четыре превосходило ту сумму, которую обычно брали за проезд.

* * *

Удивительно обнаружить так много общего между российскими и корейскими реалиями, демонстрирующего, что то ли Россия не в достаточной мере является страной европейской, то ли Корея – восточной.

Днем 22 ноября 1996 года мне нужно было доехать из аэропорта Кимпхо в город-спутник Сеула Пучхон, который расположен не так уж и далеко. Таксист поехал туда лишь с тем условием, что ему будет дана плата в два раза больше той, что покажет счетчик.

По дороге водитель к тому же накрутил расстояние, заметив, что пассажир вовсе не местный житель.

* * *

Столкнулся я в Сеуле и с таким знакомым нам в России явлением, как нелегальный извоз. Когда мы с друзьями 2 октября 2001 года с большим количеством багажа пришли на стоянку такси у станции метро «Ёндынпхо», к нам подошел какой-то мужичонка и спросил, не желаем ли мы воспользоваться его услугами, сказав, что у него есть собственный минивэн. Но, узнав, что мы едем на небольшое расстояние, сильно расстроился, вдруг заявив, что ему нужно, оказывается, ехать в противоположный район Сеула – Чамсиль. Позже, обнаружив, что среди

потенциальных пассажиров есть иностранец (то есть я), водитель-нелегалыщик сам поспешил отказаться от дальнейших переговоров с нами.

Как затем выяснилось, если в легальном такси все пассажиры застрахованы на случай аварии, в случае нелегального извоза страховка покрывает лишь ущерб пассажиров, располагающихся на переднем сиденье.

4. Перекрашенные автобусы

До 2004 года общественному транспорту на сеульских улицах выделялась особая полоса для движения в крайнем правом ряду, на которую теоретически частные автомобили не должны были выезжать.

Однако на практике по крайним правым сторонам ездили совсем не автобусы. И дело здесь далеко не в недисциплинированности водителей (хотя и такое тоже бывало). Все дело в том, что в Сеуле слишком много маленьких улочек, на которые можно свернуть, только лишь заняв крайнюю правую полосу.

И сеульские власти нашли очень оригинальный выход из положения. Решили предоставить для движения городских автобусов, где это возможно, крайнюю левую полосу (то есть центральную часть улиц). При этом выделенную полосу покрыли асфальтом красного цвета. А в местах остановок, в центре проезжей части, соорудили островки безопасности, огороженные сзади перилами из нержавеющей стали. Таким образом, можно сказать, что в Сеуле появился безрельсовый трамвай на резиновых колесах!

Одновременно власти решили перекрасить все автобусы в три основных цвета. Автобусы дальних маршрутов с местами повышенной комфортности (## ##) стали красными. На их бортах появилась латинская буква «R» (от английского слова red – красный). Обычные автобусы со средней протяженностью маршрута стали синими и получили на свои борты букву «B» (blue), а автобусы сверхкоротких маршрутов, которые называют странным для русского уха словосочетанием «сельские автобусы» (## ##), стали зелеными с буквой G (green) соответственно. Однако зелеными бывают не только маленькие «сельские автобусы», но и автобус чуть больше размером: очевидно, они тоже ездят по короткому маршруту.

Эта новейшая система городского транспорта теперь охватывает весь Сеул. Однако я обратил внимание на то, что и новой системе выделенных полос все же не удалось полностью избежать «вторжения» частного транспорта, которому иногда приходится занимать автобусную полосу у перекрестков перед поворотом налево.

5. Нет урн, а таксофоны есть

Если вы купили в южнокорейском супермаркете мороженое и решили съесть его на улице, то вы непременно столкнетесь с проблемой, куда же выкинуть палочку или упаковку от мороженого.

На южнокорейских улицах совсем нет урн. Совсем! Ни у пешеходных дорожек, ни на остановках общественного транспорта, ни у станций метро. Просто нет, и все. Хотя в парках есть жуткие объявления, предупреждающие о наказании за мусор.

А ведь еще несколько лет тому назад, в 2007 году, когда я жил в Южной Корее в районе Чукчон (город Соннам, провинция Кёнги), помню, как активно пользовался урнами у остановок.

В чем же дело?

Все дело в проблеме утилизации мусора в Южной Корее.

Помойки, предназначенные для отдельного сбора мусора, имеются только в самых новых кварталах южнокорейских городов – в кварталах, огороженных стенами, с кон-

трольно-пропускными пунктами на въезде. В остальных жилых кварталах население должно утилизировать мусор, выставляя у входа в дома специальные пластиковые пакеты, на которых есть надпись, что вывоз мусора в таком-то районе оплачен (мусорные пакеты для каждого района свои), или небольшие пластиковые ведра с крышкой, в которых находятся пищевые отходы. Все это собирают специальные городские службы.

Но, очевидно, не хочется гражданам Южной Кореи платить за специальные пакеты. Вот и использовали раньше уличные урны для утилизации своих домашних отходов. Тогда власти решили избавиться от проблемы очень просто: взяли и убрали урны с улиц.

Правда, есть еще места, где урны можно найти. Это торговый квартал Мёндон в центре Сеула, туалеты (коих в Южной Корее огромное количество), сами станции метро (с прозрачными контейнерами для сбора мусора), сетевые супермаркеты, да рейсовые городские автобусы. Однако на публике бытовой мусор туда выбрасывать сложно.

* * *

Южная Корея поражает тем, что, несмотря на активное развитие сотовой телефонии, Интернета и т. п., с улиц городов по-прежнему не исчезают общественные телефоны-автоматы. Однако моя попытка купить по старой памяти магнитные карты для уличных автоматов закончилась ничем: эти карты уже не продают. Зато появилось другое новшество. Оплату разговоров можно совершать не только монетами, но и... транспортными проездными картами. Для того чтобы их можно было использовать, к старым телефонам-автоматам, работавшим исключительно от монет и от кредиток, присоединили специальные блоки для считывания информации и списания средств с транспортных карт.

Казалось бы, зачем продвинутой Южной Корее уличные телефоны-автоматы? Ответ банально прост. Современные смартфоны потребляют слишком много энергии, и батарея может в любой момент совершенно неожиданно разрядиться. Не остаться же без связи? Ну и, возможно, есть люди, которые хотят сделать анонимные телефонные звонки.

6. Нищенка и офистель

Однажды майским днем 1990 года на ступенях подземного перехода под площадью у универмага «Син сеге» («Новый мир») я увидел женщину в грязной одежде с двумя такими же грязными измученными детьми. Они сидели на ступенях и отрешенно смотрели на прохожих.

В подземном переходе у гостиницы «Лотте», в начале улицы Ыльчжи, практически каждую ночь на скамьях спят грязные бездомные, укрывшись с головой старыми газетами⁴.

А еще как-то раз мы с нашим шофером Ким Бёно поехали на рынок часов, что находится у западной окраины рынка «Пхёнхва» («Мир»). Подъехали к перекрестку, вышли из машины. И вдруг к нам подошла полная женщина, измазанная чем-то, одетая в грязное синее платье, направилась к В. Л. Марковскому, директору Балета на льду, и сказала ему по-корейски, протягивая руку: «Дайте денег, дайте денег!» Испуганный шофер отогнал нищенку и прошептал мне: «Скажи директору Балета, что она сумасшедшая, что просто потеряла рассудок». Сидевшая неподалеку торговка овощами, сконфуженно улыбаясь, повторила вслед шоферу: «Извините, пожалуйста. Извините. Она сумасшедшая».

---

⁴ В 2010-х годах в указанном подземном переходе ночующих бездомных уже не стало.

* * *

Горничная гостиницы «Лотте» получала в 1990 году порядка \$900 в месяц. Шофер нашей автомашины (первый из двух работавших в тот год с делегацией Ленинградского государственного балета на льду) – 500 тыс. вон, что составляло примерно \$700. Говорил, что жить тяжело. Квартплата порядка 46 тыс. вон. Но это не его квартира, арендованная. С жильем, мол, вообще плохо.

У него швейцарские кварцевые часы – будто бы свадебный подарок. Кожаный ремешок часов подклеен скотчем – совсем сносился. Но старается одеваться респектабельно: костюм, рубашка, галстук, поношенные дорогие ботинки и каждый день – чистые белые носки.

* * *

Мне долго не давал покоя вопрос о том, кто же живет в богатых особняках в районе, расположенном неподалеку от президентского дворца.

К примеру, дом президента фирмы, владеющей гостиницей «Лотте», г-на Чан Сонвона (1930–2005), который до этого был главой всей сети универмагов концерна «Лотте», в десятки раз скромнее того, что мне довелось увидеть на холмах района Тонам: огромные по площади двух- и трехэтажные виллы, часто с мини-парками, что для Сеула является невероятной роскошью, а иногда и с прудами и водопадами. Бывает, что такие особняки выстроены в традиционном стиле, что гораздо дороже, чем построить дом в европейском духе.

Случайно я разговорился с жильцом-хозяином одной из таких вилл, не самой роскошной по меркам района, который по манере держаться походил не менее как на высокопоставленного члена правительства. Оказалось, что г-н Чу Чжонбин – профессор медицины, работает в ведущих клиниках Сеула и является главой временной медицинской выставки-конференции, проводимой в 1993 году в Сеуле. По его словам, большинство владельцев аналогичных вилл также врачи.

Необычайно дорогое медицинское обслуживание в Корее, видимо, немало способствует повышению благосостояния узкой касты докторов: если дед врач, то и сын, и внук с легкостью могут стать медиками. К примеру, сын г-на Чу также... врач.

* * *

К 2009 году я обнаружил, что в Корее возникла новая тенденция в строительстве городского жилья, приближенного к «офистелю» (ofifcetel), то есть некоему гибриду офиса и гостиницы (отеля), хотя по большому счету речь идет об обычном частном городском жилье.

Еще в начале 2000-х годов в Южной Корее стали строить многоквартирные дома, которые по форме уже не напоминали вытянутые в длину параллелепипеды, что было типичным для прежней городской архитектуры. В них все квартиры располагались в одну линию. Все более популярными становятся многоэтажные четырехгранники, квадратные в сечении.

В таких домах, как правило, первые несколько этажей занимает автомобильная парковка. В самом центре (в «стержне») здания располагаются лифты, а квартиры устроены вокруг стержня дома, по периметру.

Однако в этих новых офистелях новой стала не только общая планировка дома, но и устройство самих квартир.

Самое главное – это полное исчезновение веранд-балконов, на которых корейцы разводили мини-сады и которые использовали для хозяйственных и эстетических нужд.

Второе отличие от привычных квартир в многоэтажных домах – отсутствие внутренних раздвижных непрозрачных окон, которые создавали эффект традиционного корейского жилого пространства, отграниченного от внешнего мира непрозрачными бумажными окнами и дверьми с деревянным оконным переплетом, оклеенным бумагой.

Еще одним нарушением устоявшегося представления о жилом пространстве служит наличие керамической плитки в коридоре и части гостиной – там, где располагается не отделенная никакими стенами от основного жилого пространства кухня. Нарушение состоит в том, что плитка уложена в той части квартиры, в которой должен быть теплый пол и по которой следует перемещаться босиком. Таким образом, в летнее время, когда пол не отапливается, жильцам приходится ходить по квартире босыми ногами по холодной напольной плитке.

Мебель в таких новых домах тоже практически вся встроенная. Так что желающему сменить меблировку придется прибегать к услугам специальной строительной фирмы, занимающейся еще и интерьерами.

Таким образом, новое дорогое корейское жилье, оборудованное по последнему слову техники, во многом разрушает традиционные представления корейцев о жилом пространстве и напоминает гостиницы нового типа, оснащенные мини-кухнями, стиральными машинами и прочей бытовой техникой, а также стандартным для всех гостиниц прочим оборудованием...

Действительно, в последнее время корейцы стали настолько мобильны в перемене мест работы и жилья, что каждая новая квартира, по сути, – это уже не квартира, а очередная гостиница длительного проживания на переменчивом жизненном пути.

* * *

Пятнадцатого декабря 2001 года я был вынужден покинуть гостиницу Сеульского Центра образования и культуры, где проходила юбилейная конференция, посвященная десятилетию создания Корейского фонда. Решил поселиться где-нибудь в недорогом отеле у улицы Тэханно – в районе, хорошо знакомом мне по 1993 году, когда я пять месяцев находился на научной стажировке и жил в общежитии неподалеку. Вдруг захотелось, что называется, вспомнить былые годы.

Вышел с вещами из метро на западную сторону улицы – туда, где, помимо ресторанов и кафе, расположены также и жилые дома. После получаса поисков в глаза бросилась маленькая невзрачная вывеска, на которой, кроме названия – «Гостиница Мёнрюн», также была нарисована стрелка, указывавшая куда-то вглубь квартала узких улочек, застроенного невысокими двух- и трехэтажными домами. Крыльцо гостиницы, которая одним боком примыкала к небольшому ресторанчику, было устроено так, чтобы прохожие не замечали лиц входящих и выходящих постояльцев.

При входе в гостиницу я обнаружил каморку размером 1,2 на 3,5 м, в которой сидела старая женщина лет восьмидесяти, очевидно, мать хозяина гостиницы. В каморке был обустроен теплый пол. На мой вопрос о стоимости комнаты, бабушка ответила: «Двадцать пять тысяч вон». Это было недешево для более чем скромного интерьера заведения, но я согласился, учитывая дороговизну земли в этом районе и удобство инфраструктуры. Не успел я свыкнуться с мыслью о 25 тыс. вон за сутки, как тут же появился хозяин гостиницы и заявил, что поскольку я собираюсь провести два самых «урожайных» на постояльцев дня недели – субботу и воскресенье, то должен заплатить 35 тыс. вон в сутки. В то время это были немалые деньги. Я попытался спорить. В итоге мы сговорились на том, что за два дня пребывания в комнате с корейским (теплым) полом на первом этаже я заплачу 60 тыс. вон, причем всю сумму авансом. (Позже я выяснил, что и это было намного завышенной ценой.)

Сначала хозяева дали мне комнатку № 102, располагавшуюся прямо у входа на этаж. Пока я менял доллары, полученные в качестве компенсации оплаты за авиаперелет, на корей-

ские вонь, хозяин все же решил переместить меня в более дальнюю и более «тихую» комнату № 106. Был очень услужлив и лично перетащил мою тяжелую сумку в новый номер.

«Номер» представлял собой комнатенку размером 2,5 м на 1,8 м. В конце располагалось некое помещение с унитазом и душем, кран которого был расположен прямо у пола. В душевой постояльца ожидал старый кусок мыла и большой тюбик зубной пасты, наполовину использованный. На полу, вымощенном мелкой кафельной плиткой, одиноко стоял старый пластиковый тазик для умывания.

Сама комната была оклеена старыми обоями грязно-кремового цвета, местами ободранными. В углу лежало сложенное стопкой старое постельное белье: матрас, одеяло и две подушки. Слева от входа стояла тумба со старым телевизором, каналы в котором переключались вручную барабанным тумблером. Окна в комнате не оказалось вообще: только вентиляционная форточка у двери, выходящая в коридор. На стене справа была прикреплена вешалка с двумя хилыми пластиковыми плечиками для одежды.

Оставив вещи в номере, я ушел по своим делам. Вернулся около одиннадцати вечера. Бабушка-хозяйка дала мне связку ключей, чтобы я открыл свой номер и затем принес связку обратно. Потом я снова ненадолго вышел, и окончательно вернулся около полуночи. Но поспать мне так и не удалось.

Из-за тонких перегородок всю ночь доносились голоса молодых мужчины и женщины, звон бутылок, хлопанье дверей, цоканье каблучков по коридору. В другом соседнем номере также поселились мужчина и женщина, всю ночь ругавшиеся друг с другом. Регулярно, каждые двадцать минут, раздавалась грубая нецензурная брань мужчины, а затем происходило очередное хлопанье дверью. Я с нетерпением ждал, когда же эта раздраженная пара уйдет, чтобы спокойно поспать хотя бы несколько утренних часов.

Из-за того, что в комнате не было окна и она находилась в постоянном полумраке, я не мог составить представления о времени. Казалось, я проспал не больше часа после того, как ушла эта шумная пара. Но когда я включил свет и посмотрел на часы, выяснилось, что было уже половина второго дня. Так потерять драгоценное время в Сеуле!

Однако следует сказать, что, несмотря на все «но», пол в комнате жарил на всю катушку, и из крана всегда шла горячая вода. А хозяин накануне дал мне застиранное, но чистое полотенце и запечатанную в пластик новую зубную щетку.

В ночь с 16 на 17 декабря я вернулся в гостиницу также очень поздно: шел пешком от рынка у Южных ворот – от Намдэмуна. В эту ночь в гостинице было довольно тихо, и я наверняка смог бы хорошо выспаться, если бы не необходимость рано вставать: утром я должен был ехать в аэропорт.

Когда я выезжал из гостиницы, хозяин был предельно вежлив. Однако, стоило мне попросить его выписать квитанцию за проживание, он сначала предложил мне отметить в ней лишь 50 тыс. вон (то есть, очевидно, по действительному тарифу, а не сколько он запросил с меня). На это я возразил: «Запишите по правде, как есть».

И хозяину пришлось отметить в квитанции ту сумму, которую я заплатил ему на самом деле.

7. Новый старый Итхэвон

Как я люблю этот старый, грязный и не желающий обновляться торговый квартал Итхэвон, расположенный у американской военной базы в сеульском районе Ёнсан!⁵

Вечером 8 августа 2002 года у меня появилось немного времени, и я решил проехаться по новой 6-й линии метро до торговой улицы «Итхэвон», куда я раньше всегда добирался с

---

⁵ К 2012 году планировали полностью вывести эту базу из Сеула в город-спутник Пхёнхэк столичной провинции Кёнги.

таким трудом: дорога пешком от станции «Самгакчи» 4-й линии метро до торгового квартала занимала 20–30 мин.

Новая линия метро, выдержанная в тонах цвета хаки⁶, встретила новыми блестящими вагонами, обшитыми нержавеющей сталью, с низкими потолками и сиденьями вдоль стен, но не общими скамейками, а рядами индивидуальных мест, предназначенных для каждого отдельного пассажира. Сама станция «Итхэвон» оказалась просто огромной – имеющей много ярусов, с длинными эскалаторами. Рассчитанная на посещение иностранцами, станция украшена роскошными картинами, представляющими облик Сеула. Выход со станции расположен у гостиницы «Гамильтон».

Сначала решил прогуляться по верхней, восточной, части улицы. С радостью, словно встретил старых друзей, обнаружил, что многие здания здесь те же, что были двенадцать лет тому назад: знаменитая дискотека «Королевский клуб» (King's Club), автозаправка, пожарная часть, вечно закрытая дискотека «...Звезды» (...Stars), с круто уходящей вверх длинной бетонной лестницей.

Уже стемнело. Обилие торговых лавочек с теряющимися внутри кварталов узкими коридорами магазинов; фланирующие туда-сюда иностранцы. Изобилие дешевого товара сомнительного качества.

Но есть на Итхэвоне и новое. Это немногочисленные лавчонки, у входа в которые вывеска: «Обмен денег». Они работают и в девять – десять вечера, когда большинство магазинов уже закрыто. Решил зайти в одну из них. Помещение маленькое: 1,5–2 м в ширину и метра 3 в длину. Слева от входа – деревянная крашенная скамеечка для ожидания посетителей. На ней сидит молодой мужчина в шортах, лет 35, в очках, беседует с другим мужчиной, чуть старше его. Я спрашиваю, меняют ли деньги. Мужчина в шортах отвечает утвердительно. Тогда я прошу поменять \$100 и спрашиваю о курсе. Ответ: 120 тыс. вон; это больше, чем дают в банках. Мужчина в шортах пролезает в дверь-проем под окошечком кассы (другого входа в нее нет), принимает мои \$100 и без какой-либо квитанции или вопроса о паспорте вручает мне 120 тыс. вон.

Еще мне нужно купить в Итхэвоне дешевый галстук. У меня много галстуков хороших, дорогих. Но я их забыл дома, а завтра выходить на трибуну при параде. Как купить галстук в девять вечера, когда практически все магазины уже закрыты? Я упорно хожу по улице взад-вперед, обращая внимание прежде всего не на магазины, а на передвижные двухколесные торговые тележки, освещаемые подвешенными на проводах лампочками «рыбий глаз». Обнаружил сразу два лотка, стоящих рядом друг с другом и принадлежащих одной хозяйке – женщине лет 55–60. Она торговала дешевыми галстуками из полиэстера за 3–5 тыс. вон. В левом лотке были выложены строгие галстуки для костюмов, а в правом – прикольные, с изображениями типа «компьютер и настоящая мышь с сыром», «белые овечки и одна черная», «смеющиеся зайцы из мультиков» и т. п. Хозяйка очень вежлива и приветлива. Посоветовала мне самый приличный галстук.

Обратно в гостиницу решил поехать с другой станции метро – «Ноксапхён», расположенной у входа в американскую военную базу. Эта станция оказалась еще более грандиозной, чем «Итхэвон». Под огромным прозрачным куполом находятся как бы подвешенные в воздухе эскалаторы, спускающие пассажиров в таинственный мир картин и барельефов: на одном из подземных этажей находится помещение для проведения различных выставок.

На станции попробовал снять деньги в банкомате по карточке родного Сбербанка. Получилось! Был очень обрадован этим событием, увидев за ним иллюстрацию положительных сторон глобализации, которую так любят ругать...

---

⁶ Все линии метро в Сеуле имеют отличительные цвета не только на соответствующих схемах линий, но и в интерьерах станций, в выборе цвета отдельных частей подвижных составов.

8. Фантастическая прогулка по ночному Сеулу

Весенний день 22 мая 1992 года выдался хорошим – как по погоде, так и по событиям.

Стояла приятная после холодного Петербурга почти что летняя жара. Поэтому к десяти вечера, времени, когда я обычно возвращался со стадиона, у меня было не только желание, но и силы, чтобы побродить одному по городу в поисках приключений. Вечер обещал быть теплым и прозрачным.

Выйдя из гостиницы, я направился в близлежащий район Мёндон. Ничего особенного от него я не ждал, так как бывал здесь и раньше. Просто он очень красив, и по вечерам здесь гуляет много заманчиво-привлекательных своей жизнью молодых людей. И здесь не так грустно бродить одному.

Через некоторое время после начала моего пешего путешествия вышел на улицу Мира (*Пхёнхва кори*) и снова углубился в дальнюю часть квартала. Тут я бывал редко. Дошел до поперечной улицы, и вдруг решил отправиться на исследование совершенно незнакомого мне района.

Через автостраду вел надземный пешеходный переход. Темно. Прохожих почти нет. На лестнице, ведущей к переходу, увидел забавную картину: фонарный столб с навершием в петербургском стиле, только какой-то по-детски маленький. На половине лестничного марша горят мягко освещенные изнутри окна офиса. У окон множество больших растений в кадучках, отчего вся внутренность офиса приобрела особую мягкую притягательность.

Низко над переходом проходил второй ярус автострады⁷. Навстречу мне попался нищий. Я спустился дальше. Передо мной открылось продолжение улицы из Мёндона. Только она была почти не освещенной. Большинство лавочек в невысоких двух-, четырехэтажных домах были наглухо закрыты металлическими жалюзи. Однако то, что пока оставалось освещенным – отдельные рекламные вывески, интерьеры все остававшихся открытыми ресторанчиков и кафе, – казалось еще более привлекательным.

Снова вышел на поперечную улочку. Дома невысокие, уютные, и даже попался один дом в стиле барокко. И главное, по обеим сторонам улицы – густые платаны, подсвеченные редкими фонарями и витринами. Запоздавшие прохожие. Пустые кафе, уже закрытые, хотя еще и заполненные светом наведения порядка. Между ними маленькие типографии, жужжащие летними ночными насекомыми. Вдруг попала открытая дверь с лестницей, поднимавшейся на второй этаж. Воздух коридора был залит тихим манящим желтым светом. Покружив еще немного около платановой улицы, решил перейти на другую сторону по подземному переходу. Он был связан с уже закрытым метро. Тут я понял, что подошел совсем близко к улице Ыльчжи, ведущей к району Больших восточных ворот. Выйдя из перехода, оказался перед кварталом еще более узких улочек и низких домов, напоминающих классический Сеул 1960–1970-х. Углубился в него. У какого-то серого трехэтажного дома на углу стояли человек пять рабочих, занимавшихся установкой неоновой вывески. Тихо прошел дальше. Рабочие меня ни о чем не спросили.

Свернул еще на какую-то узенькую улочку и вдруг наткнулся на стол, поставленный чуть ли не посередине небольшого перекрестка. За столом сидели четверо мужчин, пили рисовую брагу *макколли* и закусывали острой корейской капустой *кимчи* и копченым мясом с копытцев свиней – *чокпаль*. Один пьяненький мужчина, заметив меня, одиноко шатающегося непонятно где иностранца, подал знак рукой и громко позвал к столу. Я подошел. Во-первых, сам хотел таких приключений. А во-вторых, если не подойти и по-хорошему не объяснить, кто ты

---

⁷ Демонтирован в начале 2000-х годов.

такой и почему бродишь в столь позднее время один по кварталам, где иностранцам не принято ходить, можно нарваться на неприятности.

Подойдя к столу, сразу начал с того, что я не американец, а советский, приехал переводчиком с артистами, в Сеуле всего три недели и т. д. Услышав все это, мне сразу предложили место, спиной к перекрестку, дали пару деревянных палочек и пиалушку для бражки, довольно большую. Чтобы по всем корейским правилам, поддерживая двумя руками, принять в пиалушку наливаемую хозяином из пластиковой бутылки брагу, пришлось взять палочки в рот. Увидев это, корейцы весело рассмеялись. Оказывается, я совершил сугубо корейское действие – ну как они. К смеющимся присоединились и какая-то старушка с женщиной помоложе, сидевшие где-то в дальнем углу кухни, возможно рестораника, в доме слева от меня. Похоже, все смеявшиеся хорошо знали друг друга.

Затем начался пьяный разговор. *Макколли* – некрепкий напиток. Но отсутствие градусов прекрасно компенсируется потребляемыми объемами. И после двух чарок, не единственными в эту ночь, я почувствовал прилив тепла и мягкую расслабленность. Один раз собеседник, сидевший справа от меня, в знак своего расположения ко мне, подал свою пиалушку и налил в нее брагу. Естественно, я держал этот белый сосуд двумя руками. Но не знал, что в этом случае полагается делать затем. Я лишь отпил немного из чарки соседа и поставил ее на стол, на что получил мягкое, но волевое указание: оставшееся нужно перелить в свою пиалушку, а ту, что принял, отдать хозяину и самому налить в нее *макколли*. Так я и сделал.

Разговор вертелся в основном о Советском Союзе. Слово «Россия» плохо приживается в корейском языке. Говорили мои собеседники, двое из которых были одеты в костюмы, а значит, работали где-то в фирмах, в основном о том, что, мол, Советский Союз – страна большая, природных ресурсов много, коммунизма уже нет, а есть свобода, и поэтому лет через десять или даже уже и через пять будет эта страна жить так же хорошо, как и все развитые державы мира.

Кстати, в самом начале нашего общения на мой вопрос, что они делают здесь, посреди перекрестка, хозяева ответили: «Да, вот, охраняем эти улочки. Ведь здесь много разных веселых заведений». Наверное, в чем-то это была шутка. Возможно, в шутке была доля истины.

Когда спросили меня о моем имени, я раздал им свои визитные карточки. Уж больно сложны на слух русские имена. А вот свои визитные карточки они мне почему-то не дали. Не было?

Разговор становился все более пьяным, да и время подходило к полуночи, минуло 11.40. Откуда-то сзади подошла женщина лет 45–50. Она направилась к собеседнику, сидевшему слева от меня и представившемуся врачом. Он все никак не мог остановить свою бесконечную бессвязную речь. Женщина обратилась к нему как к мужу: «Дорогой! Пошли. Ну, пошли! Уже поздно, а тебе рано вставать». Муж долго артачился, но наконец встал. Оказалось, он еле стоит на ногах. Я был удивлен, так как сидя он выглядел достаточно бодрим. Когда он ушел – видимо, жил где-то рядом, – легче было распрощаться и мне. Выпив последнюю чарку, я встал и пошел в направлении, вежливо указанном мне моими новыми знакомыми. Я им сказал, что иду к гостинице «Лотте».

9. Вход несовершеннолетним запрещен

Шестнадцатого августа 2014 года я поехал на сувонский вокзал, в южный пригород Сеула, поскольку по информации одного из местных жителей там находился книжный магазин «Кёбо». К тому же, зная особенности исторических центров старых населенных пунктов Кореи, я ожидал увидеть там старые депрессивные и одновременно очень романтические кварталы.

Мои ожидания не обманули меня.

Никакого магазина «Кёбо» у сувонского вокзала не оказалось, вместо него я обнаружил довольно убогий местный аналог большого книжного супермаркета «Либро». Зато старых кварталов с торговыми лавками, ресторанчиками, закопченными ветхими гостиницами и т. п. здесь было в избытке. Это в столице, у Сеульского вокзала все старые кварталы зачищены под ноль, и вместо них – бездушные громады из стекла, металла и бетона с такими же бездушно посаженными деревьями. А здесь, в Сувоне, грязная и одновременно очень романтическая старина представлена, что называется, по полной программе.

Мне нужно было постричься. В новом квартале офистелей, расположенном рядом с заводами по производству микросхем «Самсунг», никаких парикмахерских или салонов красоты по определению нет. А у вокзалов должно быть в избытке. После того как я углубился внутрь сувонского рынка, то обнаружил более или менее приличное заведение с названием «хэа шоп» (hair shop), то есть парикмахерскую. Зашел. Никого не было. На «шум» вышла миловидная дама средних лет, в униформе, с подозрительно короткой для таких заведений юбкой, чуть выше колен. Требовалось побрить мою полулысую голову. На вопрос о цене услышал:

– Двенадцать тысяч вон.

Удивился, спросил:

– А почему так дорого, ведь по всей Корею за такую стрижку берут только пять тысяч?

– Но ведь вам нужно голову мыть шампунем... И вообще это минимальная ставка такая.

А я говорю:

– Посмотрите, на моей голове и мыть-то нечего.

– Ну ладно, – отвечает, – заплатите мне так, как везде платите.

Подстригла, очень быстро.

– Сколько? – спрашиваю.

Отвечает:

– Как везде.

Отдал 5 000, пошел гулять дальше. Нужно было поискать место, где бы можно было недорого и вкусно поесть... Почему-то в квартале было много дешевых гостиниц, и я даже обнаружил магазины для взрослых, что для Кореи совсем не типично.

...После еды решил, что пора бы уже и возвращаться в мою резиденцию, которая располагалась рядом с производственным комплексом компании «Самсунг».

И вот тут-то, проходя между старыми домами, стал вдруг замечать большое количество иностранцев – мужчин-азиатов. Они шли по улице мне навстречу.

«Живут тут, что ли? – подумал я. – Странное место для проживания».

Улица с двух сторон была как бы обрамлена рядом прозрачных стеклянных витрин с занавесями. Около одной из них сидело человек восемь мужчин, они о чем-то переговаривались.

И тут-то я все понял!

За одной из витрин, в комнате, оклеенной красными обоями, сидела вызывающего вида женщина в черной одежде. Недалеко от нее, в другой красной витрине, сидела другая. Я попал на улицу «красных фонарей».

Решил выйти из квартала. Когда проходил мимо одной из витрин, женщина, сидящая внутри, стала стучать в стекло рукой, чтобы я обратил на нее внимание, но я прошел дальше, не поворачивая головы.

На улице было большое количество надписей, возвещавших о наличии здесь «салонов красоты» (###).

При выходе из квартала обнаружил огромную надпись, выполненную на металлическом щите, которая возвещала о том, что «вход в квартал несовершеннолетним до 19 лет» запрещен.

И самой удивительной была информация, сообщавшая о том, кто же запрещает посещать этот квартал... И это – «мэр города Сувона» (!)

Глава 2

В южнокорейскую провинцию, в глушь...

1. Выбирай класс

К лету 2008 года на железнодорожном транспорте Южной Кореи был введен новый порядок проезда на поездах дальнего следования.

Раньше свободный выход на платформу был запрещен. Заходить разрешалось минут за десять до посадки, не ранее. При этом перед выходом на платформу работник железной дороги (или это делалось автоматически) проверял у пассажиров билеты, так что сесть в поезд, не оплатив перед тем проезд, было практически невозможно.

Летом 2008 года я наблюдал следующее. На вокзале Ёнсан (в Сеуле) все еще стояли автоматы (турникеты) по проверке билетов перед выходом на платформу. Но они не работали. Отверстия для билетов были заклеены скотчем, а сверху были прикреплены объявления, извещавшие о том, что автоматического контроля билетов (при посадке и после прибытия) нет и пассажир может взять железнодорожный билет на память.

Увидев это, я подумал, что билеты проверяют в поезде (на манер того, как это делается в Европе). Но ни во время моей поездки в провинцию, ни во время возвращения в Сеул никто ни разу не проверил ни меня, ни других пассажиров.

Единственное, при прибытии в Сеул я обнаружил, что работник вокзала по-прежнему (не проверяя) собирает у прибывших пассажиров железнодорожные билеты. Но мне показалось, что делает он это скорее по привычке или для того, чтобы не шокировать прибывших из провинции пассажиров, которые еще не привыкли к новому порядку проезда на поездах, а не для того, чтобы действительно контролировать оплату проезда.

* * *

Отправившись 23 августа 1998 года на поезде в провинцию и уже прибыв на конечную станцию, обратил внимание на два одиноко стоявших на запасных путях старых вагона с надписью на борту: «Голубь» (###). Так в Корее раньше называлась самая низшая по степени комфортабельности категория поездов дальнего следования – без кондиционеров, которые останавливались буквально на каждом полустанке. Еще в 1995–1996 годах эти поезда обслуживали пассажиров. Правда, они не доезжали до Сеула, чтобы не позорить своим убогим видом облик обновленной столицы. К 1998 году эти поезда полностью сняли с эксплуатации. Их заменили поезда классом чуть повыше: «Объединение» (# ##), также останавливающиеся на каждом полустанке.

* * *

К 2000 году в Южной Корее остались пассажирские поезда только двух классов: повышенной комфортности «Сэ маыль» (# ##), что значит «Новая деревня»⁸, и поезд условно второго класса – «Мугунхва» (###), что значит «Цветок гибискуса»⁹.

---

⁸ «Новая деревня» – это название происходит от наименования так называемого «Движения за новую деревню», развернутого в Южной Корее под эгидой властей в 1970-е годы.

⁹ Государственный символ Республики Корея – цветок алтея. Его изображение присутствует на многочисленных атрибутах, символизирующих государственную власть.

Поезда третьего класса «Тхонильхо» (###) – «Объединение» – все еще ходили на *части* провинциальных линий, но очень редко, да и то когда их мало кто из гостей страны мог увидеть: часов в часа в четыре-пять утра.

* * *

Когда-то поезда класса «Сэ мабль» считались, да и были люксовыми в Южной Корее. Где-то они остались люксовыми и теперь – на отдельных, востребованных пассажирами линиях. Но линия вдоль Желтого моря, от Сеула до города Иксан провинции Северная Чолла, представляет путешественнику убогие следы бывшего величия «Новой деревни».

Восемнадцатого июля 2017 года я сел на поезд «Сэ мабль» на станции Чанхан, который должен был отправиться в 11.10 утра. Локомотив у поезда только один, и тот маневровый вместо двух красивых, прицеплявшихся с двух сторон поезда и имитировавших локомотивы японских скоростных поездов. Краска с вагонов во многих местах отваливается, как старая отмершая кожа.

В вагонах взамен входных автоматических дверей стоят «заглушки», из этих же дверей и сооруженные. Белые пластмассовые детали интерьера потемнели от времени и кажутся просто грязными. Краска на стенах и на полу в туалетах покрыта трещинами. В умывальнике нет ни мыла, ни бумаги, ни полотенца.

В поезде нет никакого обслуживания: ни персонала, везущего тележки с напитками и закусками, ни вагона-буфета. Даже в поезде классом ниже – «Мугунхва» – он есть.

Поэтому перед прибытием «Сэ мабль» на станцию звучит объявление о том, что в поездах нет вагона-ресторана и пассажирам рекомендуется заранее на станции приобрести напитки и еду.

Единственная форма «обслуживания» в поездах – это перемещение персоналом пассажиров со случайно, неверно занятых ими мест да сдержанные поклоны редких работников поездной бригады, которые те совершают перед пассажирами прежде, чем покинуть вагон.

Такая ситуация с «Новой деревней» не потому, что в Южной Корее есть какие-то серьезные проблемы с железнодорожным транспортом. Просто вся Корея пересела на скоростные поезда КТХ¹⁰. У них свои железнодорожные пути, хотя вокзалы могут быть общими с обычными поездами. И весь корейский сервис переместился в эти скоростные поезда: и тележки с напитками, и рестораны, и кланяющийся персонал в униформе...

2. Поездка в город Иксан

Ким Самтхэ – высокий кореец лет 37, с бритой как у буддийского монаха головой, одетый в черный спортивный костюм; личность странная и непонятная, вызывающая одновременно как симпатию, так и отвращение...

До города Иксан¹¹ я вместе с Ким Самтхэ доехал на междугороднем автобусе. По дороге пытался вести с ним разговоры на философские темы, но это мало помогло мне в попытке установить какие-либо чуть более дружеские отношения.

По приезде в Иксан 2 марта 1998 года Ким Самтхэ начал вести себя довольно странно. Сначала мы вместе с ним шли пешком по одной из задних улочек города. А потом Ким вдруг взял такси. Оказалось, что в отличие от Сеула посадочная стоимость здесь не выросла, в то время как в столице – подорожала на 30 %. Поехали куда-то в центральную часть города. Вышли у небольшого двухэтажного здания и спустились на подземный уровень. Там на этаже

---

¹⁰ Аббревиатура КТХ обозначает *Korean Train eXpress*.

¹¹ Город на северо-западе провинции Северная Чолла.

«В» располагался студенческий центр изучения корейской национальной музыки. Перед входом в огромное пустое помещение, выстланное линолеумом, нужно снять обувь и поставить ее на металлический стеллаж. Огромный зал удобен для репетиции танцев. В дальнем конце помещения – маленькая комнатка с теплым полом, жилая; без мебели, убогая, но с телевизором, видеомагнитофоном, телефоном. На полу – одеяла и подушки.

Ким Самтхэ здесь живет. Он учится в магистратуре университета Вонгван, на отделении традиционной корейской медицины. В прошлом году брал академический отпуск, а в этом возобновил учебу. До окончания остался всего один семестр, а Ким даже и темы своей диссертации не знает: все еще не выбрал. Сидим на полу на подушках и разговариваем о том о сем. Ким Самтхэ вдруг стал говорить о целебных свойствах молитв и о том, что хочет стать шаманом...

Пока мы сидели, Ким Самтхэ нашел где-то старую куртку и дал ее мне на время: мы собираемся в горы, вечером будет холодно, а я только в свитере и джинсах. Достал рюкзак и велел положить туда мою маленькую дорожную сумочку и эту куртку. Потом представил мне своего приятеля – молодого человека из того же университета Вонгван, который занимается в кружке национальной музыки. Он поедет с нами в горы, где расположен буддийский монастырь Мирыкса...

В монастырь отправились на машине друга – старенькой «Kia Capital» 1989 года выпуска, немойтой, с помятым правым передним крылом. Я всю дорогу дремал, поэтому не запомнил, как доехали до монастыря.

Музейный комплекс монастыря Мирыкса административно подчиняется городу Иксан. Там есть выставочный павильон, где представлены предметы, обнаруженные во время раскопок на месте монастыря, остатки древней каменной пагоды эпохи Пэкче (VII в.). Напротив развалин – современная реконструкция пагоды, показывающая грандиозные размеры разрушенного временем шедевра. В музей попасть не удалось: по понедельникам там выходной день.

Поставив машину на стоянке, почти сразу отправились на гору Мирыксан. Название переводится на русский язык как «Гора Майтрейи». К вершине горы ведет вытоптанная тропа, оборудованная перилами в особо опасных местах. Вдоль тропы на ветвях и стволах деревьев прикреплены пластиковые или ламинированные таблички, призывающие охранять природу. На них же указаны названия организаций, представители которых посетили горы Мирыксан и оставили на деревьях эти таблички. Чаще всего – это средние школы.

Ким Самтхэ не любит вытоптанную тропу. Временами он уводит нас с «другом» в сторону от тропы, и мы влезает на какую-нибудь скалу, круто обрывающуюся вниз. Сначала – это высота птичьего полета. Потом – высота полета самолета. Ким Самтхэ всегда идет первым. В сторону спутников не оборачивается. Дыхание у него ровное.

В очередной раз ненамного отклоняется от тропы. Виднеется общественный туалет, построенный на невероятной высоте, прямо в лесу. Зачем высоко в горах – там, где много деревьев и скал и где можно с легкостью справить нужду практически повсюду, сооружен этот туалет? Оказывается, недалеко, у Скалы льва, находится небольшой буддийский монастырь. Среди его построек не только павильоны, выполненные в традиционном стиле, но и вполне современные дома с металлическими стенами. И рядом – небольшой горный источник. Кто в такую высь тащил огромные металлические блоки? На вертолете? Нет. Монастырь с подножием горы соединяет канатная дорога, объясняющая наличие всех удобств цивилизации, в том числе электричества и телефона-автомата.

Ким Самтхэ, помолвившись немного, выносит из монастырского павильона апельсины и яблоки, оставленные верующими в дар Будде. Предлагает угоститься. Очевидно, Ким Самтхэ близко знаком со служителями этого монастыря.

Подъем до самой вершины занял еще минут десять. Но на соседний пик, видневшийся метрах в двухстах, Ким Самтхэ идти отказался, объяснив свое нежелание тем, что однажды он уже ходил туда, но там – «злые духи», и после он не мог спать целую ночь.

Спуск с горы от монастыря был для меня сплошным мучением. Корейцы бегут вниз, словно лани, ловко ступая на нужные выступы скал и выемки между корнями деревьев. Я же иду медленно, с опаской ставя ноги перед собою, боясь поскользнуться. У корейцев почему-то подобных проблем нет.

На стоянке, что у подножья горы, где храм Мирыкса, уже темно, и машин мало. Однако общественный туалет, хотя свет там и не включен, по-прежнему открыт.

Затем мы едем в город Чончжу – большой, равнинный. Заходим в местный магазин старой книги. Ассортимент там бедный, цены – высокие. Ким Самтхэ покупает для меня книгу о корейских пагодах. Потом едем в чайный дом *табан* (##). Хозяйка, супружеская пара лет 45, одеты в стилизованную корейскую одежду; они хорошие знакомые Самтхэ. Похоже, в этой чайной организовывают небольшие концерты или декламацию стихов. Там и сейчас выставлены картины. Еще здесь продают керамику и принадлежности для чаепития. Пьем чай и корейскую рисовую брагу *макколли*. Всего одну пиалушку. Брага кислая. Разговор клеится плохо. Ким Самтхэ считает себя выше всех, в том числе меня, и все принимают его необъяснимое лидерство. В чайной обычно не подают ужин, но специально для Самтхэ хозяйка готовят рис и овощные приправы. Едим за столом, представляющим собою пень огромного дерева. «Стулья» – керамические кувшины *ханари* (###), поставленные вверх дном и покрытые подушками для сидения.

После ужина – снова чай. Но я заказываю кофе. В чайной кофе не подают. С трудом находят банку растворимого «Нескафе» и сахар. Разговор переключается на Россию. Самтхэ делится своими впечатлениями о поездке туда. В разговор снова втягиваюсь я. В принципе, я не интересен Самтхэ. Он сам себе «Будда», и его не интересует чужая мудрость.

В чайную заходят еще человека четыре – ее завсегдатаи, они же члены кружка традиционной корейской музыки.

Около полуночи выезжаем в деревню, расположенную недалеко от города Кимчже. Я еду на старой разбитой «киа», Самтхэ – на «хёндэ» новейшей модели «Атос» вместе со своим другом, руководителем кружка корейской народной музыки. Спать будем в доме одного молодого крестьянина – тоже члена этого кружка. Все, кроме меня и хозяина «киа», будут спать в новом металлическом доме хозяина. А я – в старом традиционном доме, с глиняным полом, глинобитными стенами, крышей, покоящейся на деревянных столбах, и деревянными дверьми-окнами, оклеенными бумагой.

Над верхней частью дверей огромные щели, сантиметра четыре. И между створками дверей тоже щели. Холодный ветер свободно гуляет по всей комнате, потому что в противоположной стене – бумажная одностворчатая дверь. Холод в помещении такой, как на улице. А звуки со двора – лай собак, мычание коров – слышны настолько отчетливо, что, кажется, спишь на открытом воздухе.

Мой спутник, владелец «киа», сообщил радостную новость: включили бойлер, и скоро полы станут теплыми. Если укрыться одеялом, то благодаря теплу от пола в узком пространстве под одеялом можно согреться, хотя по комнате и гуляет ледяной ветер.

К нашему приходу полы еще не успели достаточно прогреться. Мой спутник, однако, раздевается до нижнего белья и залезает под одеяло. Я же ложусь в одежде – в джинсах и свитере. Пусть это и невежливо, как иностранец, могу себе такое позволить: очень уж холодно. Несмотря на гулявший ветер, я быстро уснул. Где-то к середине ночи согрелся до такой степени, что, наконец, снял джинсы и свитер, но все же остался в рубашке.

Утром завтракали на кухне глинобитного традиционного дома. Хотя кухня здесь по всем правилам находилась чуть ниже уровня жилых комнат, пол в ней тоже подогревался, чего в тра-

диционном доме не бывает. И, естественно, в кухне нет традиционной угольной топки; современный набор кухонной мебели, холодильник, газовая плита, микроволновая печь.

С нами в кухне завтракал и дед, лет 80. Сидел он, правда, за отдельным столиком. Спросил, кто я. Ответили: русский. Оказалось, что из американцев, японцев и русских последние, по градации деда, занимают самую низшую ступень. При этом и русских, и японцев дед называл скотами (*ном*), а американцев – людьми (*сарам*). Против такого Самтхэ сильно возражал и предлагал деду на деньги, вырученные от продажи риса, съездить в Японию или Россию и самому на все посмотреть. При этом Самтхэ вызвался быть гидом в будущих поездках...

Завтрак окончен. Самтхэ знает мое пристрастие к кофе. Но найти кофе хозяину не удается, и я, как и все, пью обычную сырую воду.

Домой меня везет владелец старой «киа». Самтхэ тоже в этой машине. Приезжаем. Все прощаются со мной. Самтхэ – холодно, без видимой симпатии. Однако дарит мне почти что новый рюкзак, одолженный накануне. В нем книги на 30 тыс. вон, приобретенные для меня, да еще спортивные тапочки, купленные в Иксане, чтобы было удобнее подниматься в горы Мирыксан.

Вот такой он, Ким Самтхэ.

3. Стар и млад

Дело было солнечным и теплым утром 4 марта 1998 года в провинциальном городке N провинции Южная Чхунчхон. Одной моей знакомой кореянке потребовалось заменить набойки на туфлях. Она направилась к ближайшей сапожной мастерской, располагавшейся недалеко от железнодорожного переезда. Будка сапожника примерно такая же, как и в России, только чуть побольше по размерам, чтобы в ней можно было расстелить на полу подстилку и прилечь там в часы, когда нет посетителей и работы.

Действительно, когда женщина дошла до будки, оказалось, что на полу горой лежат несколько одеял. Женщина приоткрыла дверь, окликнула хозяина и, не получив никакого ответа, хотела было уйти, как вдруг одеяла зашевелились, и из них вылезла старая сморщенная бабка. Она поведала, что хозяин отлучился в туалет, и предложила оставить туфли на некоторое время. В будке сапожника были приготовлены шлепанцы и два старых пластиковых табурета с привязанными сверху старыми сплюснутыми подушками. Женщина оставила туфли и пошла к своему давнему знакомому, который работал неподалеку.

Прошло минут сорок. Женщина вернулась за туфлями и обнаружила, что сапожник – древний старик со сморщенными и дрожащими руками – все еще боролся с набойкой для первого каблука. Гвозди и молоток плохо слушались своего хозяина. Каждый второй гвоздь, вбивавшийся в каблук, сгибался пополам, и его приходилось вытаскивать отверткой и заколачивать новый. Резиновые набойки не сидели на своем месте и все время норовили соскочить с каблука.

Женщина робко спросила:

– Сколько возьмете за работу?

– Три тысячи вон.

– Три тысячи? – переспросила она, слегка повышая тон, удивленная дороговизной работы.

– Восемь! Восемь тысяч! – грубо отрезал раздраженный старик.

– Вы что? Не может быть! Какие восемь тысяч? За что? За пару резиновых набоек?

– Не нравится, забирай! Не знаешь, какое сейчас время. Везде так! Нет денег, нечего было сдавать в ремонт! – не унимался старик.

Расстроенная женщина, приехавшая в город N издалека, поспешила позвать на помощь мать, которая жила поблизости и хорошо знала жителей округи. Мать пришла, посмотрела на разъяренного сапожника, тихо отдала старухе семь тысяч и сказала своей дочери:

– Не надо поднимать шума из-за этого. Оставь...

Сапожник и его жена молча приняли деньги.

* * *

Прогуливаясь вечером по улицам небольшого по площади квартала Пхангё, что в пригороде Сеула, городе Соннам, обратил внимание на то, что практически все прохожие – это молодые люди и девушки (женщины), на вид в возрасте до 35 лет.

Обнаружив это, вспомнил научно-фантастический фильм с сюжетом о том, что в далеком будущем людям не разрешат стариться и их будут заставлять умирать молодыми.

Конечно же, ничего подобного в современном южнокорейском «городке» Пхангё образца 2018 года нет. Дело в том, то здесь располагается новая южнокорейская Технологическая долина (*Techno Valley*), где находятся штаб-квартиры главных южнокорейских софт-компаний, таких как «Хангыльгва кхонпхютхо» (*Hangul and Computer*), разработчика самой популярной программы ввода текста, и многих других. В подобных компаниях в подавляющем большинстве работают молодые люди, поэтому-то и на улицах Пхангё почти все прохожие, за редким-редким исключением, – это молодежь.

4. Экспедиция в уезд Чинчху 21–24 июня 1995 года

Все началось с телефонного звонка профессора факультета родной словесности университета Тангук доктора Хван Пхэгана (1929–2009). Я сидел на полу своей полуподвальной комнаты частного дома, где снимал комнату. Свет из узкого окошка под потолком, которое находилось чуть выше уровня земли, слабо освещал комнату, где кроме металлического стеллажа для книг да маленького круглого корейского столика, за которым можно было сидеть, лишь находясь на полу и скрестив ноги, ничего не было. Одежда висела на алюминиевой штанге, протянутой между стен. Дружеский голос профессора развеял пессимизм моего жилья, за которое приходилось платить \$350 в месяц:

– Господин Курбанов, не хотите ли поехать с нашими студентами в небольшую фольклорную экспедицию? Четыре дня. Для нас это тоже большое событие. Студенты и профессора ездят не более одного раза в год. Конечно, условия жизни не такие удобные, как в Сеуле, но, думаю, для вас это будет уникальный опыт. Я и сам очень хочу поехать, да дела не позволяют. Так – как?

– Конечно, с большим удовольствием, – ответил я, с легкой иронией подумав насчет условий жизни и вспомнив, как мне приходится спотыкаться по ночам, выходя по нужде в туалет, расположенный на улице.

– Тогда договоримся так. Автобус из Сеула в город Чхонан, где находится второй кампус нашего университета, выезжает в восемь утра. Это будет наш университетский автобус. Встретимся с вами в семь сорок у станции метро «Каннам». Я вас провожу до автобуса и представлю профессорам.

– Большое спасибо. Для меня это действительно редкая возможность. Очень признателен вам. А сколько это будет стоить?

– Студенты вносят плату за участие в таких экспедициях, но для вас все будет бесплатно. Я договорился.

– Огромное спасибо! До свидания.

– До встречи.

День первый, 21 июня 1995 года.

Поднявшись в 5.20 утра и завершив все необходимые приготовления, к 7.40 я подъехал на станцию метро, где договорился встретиться с профессором Хван Пхэганом. Он меня ждал, очевидно придя заранее. Тепло поздоровались.

Он спросил по-русски:

– Как дела?

– Хорошо, – ответил я.

На этом наш русский диалог закончился. Но я искренне обрадовался этому приветствию, так как найти в Корее человека, не только знающего русский, но и активно следящего за нашей гуманитарной наукой, довольно сложно.

Профессор Хван проводил меня до университетского автобуса, ожидавшего пассажиров у перекрестка. Автобус был не очень нов, но с работающим кондиционером, обещавшим временный отдых от тридцатиградусной жары и невыносимой влажности. Профессор представил меня кому-то из коллег, разговор с которым у меня так и не заладился: уж слишком молодо я выгляжу для того, чтобы быть университетским преподавателем и доктором (так называют в Корее российских кандидатов наук). Потом профессор Хван долго стоял на жаре, не спадавшей и ранним утром, и ждал, пока автобус не отправился, помахав на прощание рукой.

Через час монотонной езды по скоростному шоссе показался Чхонанский кампус университета Тангук: городок из четырех-пятиэтажных зданий, облицованных красной кирпичной плиткой. Преподаватель, которому меня поручил профессор Хван, провел по этажам пустого в эти дни каникул здания факультета родной словесности. Цементные полы, крашеные стены, голые доски для объявлений.

Наконец дверь деканата открыли, и туда стали собираться студенты и ассистенты профессоров. Корейский ассистент – не тот, что российский. Как правило, это совсем молодой человек или девушка до 30 лет, занятый более технической, нежели преподавательской работой.

Итак, меня провели в деканат, представили присутствующим. Студенты угостили баночкой сока. Сок был принесен для всех находившихся в помещении. Вскоре пришел и профессор, молодой по корейским меркам, лет 37. С ним мне предстояло провести всю поездку. Его звали Юн Чжупхиль. Необычайно высокого для корейца роста, хорошего телосложения, в летних сафари, кроссовках, короткой рубашке в полоску и с уже немодной в Корее сумочкой на ремне. В руках он держал панаму с полями из джинсовки. Сначала профессор Юн повел меня представить начальнику экспедиции, декану факультета Ю Минъёну. Разговор с деканом получился очень коротким и совершенно формальным. Со мной он вел себя чуть свысока. И только имя моего поручителя, профессора Хван Пхэгана, спасало от отношения ко мне как к обыкновенному студенту.

Через некоторое время студенты и профессора разместились в два автобуса и отправились в дорогу. Тут же мне вручили план экспедиции – целую книгу объемом в 50 страниц, где были указаны не только цели и распорядок экспедиции, но и методы работы с местным населением. Был там и готовый опросник. Из этого же плана я узнал, что все участники будут разбиты на несколько звеньев, от 10 до 42 человек в каждом. Я был определен в звено к профессору Юну.

Сначала автобусы остановились в уездном центре, городе Чинчхон, недалеко от гостиницы «Ногвончжан», игравшей роль штаб-квартиры экспедиции. Настал полдень, и по плану полагалось обедать. Надо сказать, что обед – это вообще нечто святое для корейца. Не пообедать – целая катастрофа. Недаром одно из дневных приветствий по-корейски так и звучит: «А вы пообедали?»

Обед был в ресторане «Синчжон», недалеко от «штабной» гостиницы. Второй этаж невысокого здания. Длинная узкая комната-галерея с рядом раздвижных дверей вдоль коридора и

сплошной линией окон напротив. При входе, естественно, снимаешь обувь и садишься на чуть приподнятый пол за низенький столик. Мне определили место около профессоров.

Очень хочется есть. Многочисленные закуски уже выставлены на столе. Палочки и ложки, можно сказать, сами прыгают в руки, готовые помочь тотчас насытить изголодавшийся живот. Но... сначала следуют речи, которые необходимо выслушать. Выступает начальник экспедиции, декан Ю. Среди общих и естественных для такого случая слов как-то по-особенному звучит услышанное:

– Наши девушки-студентки – основные участницы полевых фольклорных исследований, а роль юношей – охранять их.

Действительно, в § 16 «Плана экспедиции» так и сказано: старые люди более откровенны с девушками, нежели с юношами.

И далее профессор Ю продолжает:

– А когда наши девушки будут спать, кто в гостинице, а кто в деревенских домах, – они обязательно должны закрываться изнутри. И еще. Не нужно есть и пить ничего местного без предварительной термической обработки.

Честно говоря, для меня все это звучало более чем странно. Во-первых, Корея – страна, где бытовая преступность находится на очень низком уровне. Во-вторых, учитывая особое внимание корейцев к чистоте и достижениям мировой цивилизации, которые, как казалось, прочно привились на корейской земле, трудно предположить, что потребление местной пищи может быть хоть как-то опасно для здоровья.

Наконец приступили к обеду. Закончив его, дружно «выползли» на узенькую улочку перед рестораном в ожидании дальнейших распоряжений. Студенты 6-го звена, в которое я был определен, не проявляли ко мне традиционного любопытства – не подходили и ни о чем не спрашивали. И это было понятно. Ведь я относился к числу профессоров, а по отношению к ним следует соблюдать этикет, не приставать с разными вопросами, пока к тебе не обратятся.

Вскоре показался профессор Юн Чжупхиль; мы отправились на автостанцию, откуда на местном рейсовом автобусе, далеко уступающем сеульским по степени новизны модели и удобству, поехали в селение Токсан, центр одноименного округа, определенного объектом исследований для 6-го звена.

Надо сказать, что невозможно прийти просто так в первую попавшуюся деревню и ни с того ни с сего обратиться к местным жителям с просьбой рассказать что-нибудь о старине. Никто вас и слушать не станет. А если найдется такой, кто согласится все же вам помочь, многого он вам не расскажет. Вас должны представить из местного управления округом, то есть по меньшей мере позвонить старосте деревни или уважаемому человеку, рассказать о вашей экспедиции, университете и вообще официально поручиться за вашу порядочность. Тогда вы встретите и должный прием, и поддержку со стороны местного населения. Поэтому профессор Юн вместе с ассистентом и со мной прежде зашел в управление округа Токсан, располагавшееся в небольшом двухэтажном здании, окруженном невысокой стеной. Над крыльцом висел плакат: «Строим уезд Чинчхон, хороший для проживания». Справа от входа что-то вроде лозунга, призывающего жителей округа включиться в движение за улучшение жизни в округе, за «гордость провинции Северная Чхунчхон».

Само помещение местной управы разделено небольшой стойкой на две части: меньшая, с диванчиками и стульями вдоль окон, – для посетителей, и большая – для служащих. На стойке – пластиковые таблички с указанием имен и должностей. У дальней стены – шкафы с бумагами, книгами. На стенах – образцы каллиграфии и традиционная живопись. И на всем – налет некоей провинциальности.

Переговорив с чиновником Отдела культуры и получив местные издания-путеводители по округу, профессор Юн договорился также и о том, чтобы нас подвезли до первой цели экспедиции, деревни Чунбан. Дали маленький грузовичок и легковую машину.

И вот мы в деревне. Перед въездом – небольшая площадь, образованная магазинчиком и заведением, о существовании которого я раньше никогда не подозревал и которое, признаюсь, весьма удивило меня. Небольшое одноэтажное здание, облицованное кирпичной плиткой. Узенькая веранда со старыми стульями, на которых сидят прожженные солнцем морщинистые старики в одеждах традиционного покроя. За верандой – кухня. Слева от кухни и позади нее комнаты. В главной, что слева, – огромный запыленный телевизор, пара столов, заваленных такими же пыльными журналами, остановившиеся настенные часы, несколько картин с традиционной живописью. Окна, непрозрачные, затянуты металлической сеткой от мошки. В углу сложены подстилки. На полу – пепельницы, корейские шахматы и шашки, деревянные подголовники-«подушки». И называется все это – «Павильон для престарелых», нечто вроде клуба, где пожилые жители деревни могут собраться, побеседовать, поиграть в шашки, принять гостей с ночевкой. Кстати, ходят в такие «павильоны» в основном мужчины, в то время как пожилые женщины предпочитают собираться у кого-либо дома. Все бы ничего, и идея сама неплоха, но старость, собранная в одном месте, налет пыли, хотя полы в помещении чистые и кухня оборудована весьма современно, все же производят странное впечатление. Там студентам и предстояло ночевать.

Часов около четырех дня в «павильоне» собралось шесть человек стариков, кто в традиционной корейской одежде *ханбок* – широких розовых штанах и кофте с V-образным воротом, желтой жилетке, кто в недорогих европейских одеждах – в брюках, рубашке и куртке. Все разместились в углу большой комнаты, недалеко от входа. Студенты, семь человек, и профессор Юн сразу выставили перед стариками корейскую рисовую брагу *макколли* в пластиковых бутылках, печенье, сушеные кальмары. Какие песни и предания без бутылочки?

Однако старики не сразу начали петь. Прежде пошли разговоры о жизни: мол, вот в пятидесятые годы не было мужчин, доживавших до 60 лет, а теперь самому старшему – 83. Потом стали говорить о женитьбе: мол, какие симпатичные девушки (студентки) приехали в деревню, и неплохо было бы их поскорее отдать замуж, желательно за местных. А студенты все более настойчиво требовали народных песен. Худые, сморщенные, с лицами темно-шоколадного цвета старики непрерывно курили и рассказывали об ушедших традициях деревни Чунбан:

– Был раньше в деревне священный холм и источник. И люди пили из него и брали воду, чтобы умыться. И еще собирали с каждого дома немного риса и совершали жертвоприношения духу холма. Но теперь деревня опустела, все молодые в городах. Никто жертвоприношений не совершает...

Я во время этого первого опроса, боясь нарушить атмосферу доверительности между студентами и стариками, ибо вид иностранца в глубинке к откровенности не располагает, уселся в дальнем конце комнаты под остановившимися настенными часами. Тем не менее я тоже потихоньку вытащил микрофончик и попытался записать речи стариков. Вдруг один из них встал, ни слова не говоря, подошел к часам и принялся заводить их, не обращая на меня никакого внимания, словно меня вообще не было здесь. Часы неприятно затикали над головой, создавая заметные помехи аудиозаписи. К счастью, они оказались сломанными и минут через 15–20, к моей величайшей радости, остановились.

Ближе к шести вечера профессор Юн сообщил мне, что сегодня мы заночуем в гостинице, и поэтому нам нужно поехать в уездный центр Чинчхон. Пройдя пару километров по узкой бетонированной дороге, вышли на автобусную остановку. На невысоком деревянном помосте, покрытом линолеумом (некий уличный аналог корейского традиционного пола, на котором сидят), или – проводя параллели с нашей культурой – скамейке для ожидания, сидели трое весьма подвыпивших корейцев, на вид лет 60. Профессор Юн спросил у них направление на город Чинчхон. Один из ожидавших, думая, что я американец, стал грубо приставать, спрашивая, кто я, откуда, сколько лет, а потом вдруг стал говорить, что воевал во Вьетнаме.

Интонации его были не из приятных. Юн объяснил, что я русский, научный работник и преподаватель. На том ветеран и успокоился.

Вскоре доехали до «штабной» гостиницы «Ногвончжан», поднялись в номер, отведенный для профессоров: теплый пол, естественно выключенный на лето, шкаф, подставка для телевизора. В углу сложены подстилки, одеяла, подушки. Туалет с ванной – совмещенные.

Через некоторое время собрались профессора, возглавлявшие остальные звенья экспедиции. Как мне объяснили, по традиции принято в первый день экспедиции всем профессорам ходить в ресторан и отмечать окончание семестра.

И вдруг в нашу комнату № 308 постучался и вошел полный кореец средних лет, одетый совсем неофициально. В руках у него были документы о... количестве студентов, аспирантов, ассистентов, преподавателей, участвующих в экспедиции, со сведениями о местах их проживания во время пребывания в уезде. Он попросил дать более точную информацию о количестве юношей и девушек для отчета в местное полицейское управление. При этом чиновник неудачно пошутил: мол, давай больше девушек, чтобы выдать их замуж в деревне. В ответ представитель университета очень удивился тому, что необходимы какие-то уточнения, так как все данные были отосланы в полицейское управление за десять дней до начала экспедиции.

К восьми вечера были приготовлены машины для профессоров, одной из которых управлял сотрудник университетского издательства, выпускник факультета родной словесности, приехавший специально для похода в ресторан. Отправились куда-то километров за двадцать в ресторан, специализировавшийся на приготовлении китайского карася, которого вылавливали тут же в озере. Само озеро поразило обилием неподвижно разбросанных плотов с палатками – числом около 30. Это корейский любительский способ ловли рыбы.

Ресторан представлял собой несколько домов традиционного типа с черепичными крышами. Внутри стены оклеены пожелтевшими от старости светлыми обоями. Никаких особых украшений, и лишь одинокие вентиляторы, прикрепленные на стенах, лениво разгоняли тяжелый влажный воздух. Было довольно скучно.

Профессора в очередной раз напомнили мне корейскую традицию потребления алкоголя, смысл которой заключается в установлении более тесных дружеских отношений с сидящим за столом, согласно которой пить нужно обязательно нечетное количество рюмок. Кроме того, никто не наливает себе водку сам. Это должен делать кто-либо из сидящих рядом – лучше, если младший по возрасту. Вдобавок есть еще и особая церемония обмена рюмками. Так, инициатор обмена, как правило старший или равный по положению, дает противоположной стороне свою рюмку, сам наливает в нее водку. Угощаемый обязательно должен выпить до дна и возратить ее инициатору церемонии, налив, в свою очередь, ему. Однако если тот, кому наливают, значительно младше по возрасту и ниже по положению, то он должен лишь пригубить рюмку и сделать это, чуть отвернувшись в сторону. Таким образом, двое становятся ближе друг к другу, между ними устанавливаются особые отношения. Следует отметить, что это сугубо мужская традиция, и я никогда не видел, чтобы такой обмен рюмками происходил между мужчиной и женщиной.

Около одиннадцати вечера мы вернулись в гостиницу. Там профессоров ожидали несколько студенток старшего курса, в обязанности которых входило «сидеть на телефонах» и отвечать за сохранность вещей.

Я же отправился к ближайшему телефону-автомату, чтобы позвонить в другой город. Номер у абонента был постоянно занят, и мне пришлось около получаса бродить по пустынным в это время улицам, ожидая возможности соединения.

Наконец, дозвонившись, направился к гостинице и не успел пройти и десяти шагов, как нарвался на профессора Юна, который наугад пошел искать потерявшегося иностранного гостя.

День второй, 22 июня 1995 года.

Я проснулся в 7.40 и с удивлением обнаружил, что в номере уже никого не было. Старался как можно быстрее собраться, но зашедшие за мной профессора с трудом сдерживались, чтобы не сказать что-нибудь по поводу моей медлительности. Завтракать пошли в ресторан неподалеку. Ели похлебку из морепродуктов *хэчжангук* и рис. Надо сказать, что традиционно корейцы завтракают по утрам довольно плотно, и завтрак по нашим меркам мало отличается от обеда. Кофе пришлось пить из кофейного автомата на улице.

Примерно в девять утра вместе с профессором Юном мы приехали в деревню Чунбан, где студенты нашего 6-го звена еще только завтракали. Их внешний вид немного смутил меня: на юношах были чистые футболки или рубашки, а девушки к тому же поменяли и джинсы на шорты, комбинезоны или брюки из легкой материи. Иными словами, как принято в хороших домах, все переоделись. И только я остался во вчерашней рубашке. Новое время – новые традиции.

Поначалу отправились в ближайшее селение Мэсан, зашли в первый попавшийся двор. Там была бабушка лет 80, ходившая, как и все корейские старушки этого возраста, полусогнутая, не в состоянии распрямить спину, что объяснимо. В традиционном корейском доме нет стульев, все сидят на полу. И долгое сидение на полу как раз и приводит к такой фатальной фиксации положения спины.

Итак, это была первая попытка опроса на улице, не очень удачная. Бабушка много рассказывала о жизни в старину, но спеть песни от начала до конца так и не смогла. Студенты сидели на траве перед крыльцом дома, построенного в европейском стиле, но имеющего традиционные обогреваемые полы. Я же спрятался за их спины, чтобы не разрушить своим длинноносым и светловолосым видом чужака хрупкую атмосферу диалога.

Затем по грунтовой дорожке, ведущей мимо рисовых полей вдоль подножия холма, отправились к небольшому буддийскому храму Соннимса, визит в который обещал быть интересным. Говорили, что с ним связаны какие-то легенды. По дороге у одного из селений я увидел колодец: бетонный цилиндр на бетонной площадке, прикрытый наполовину деревянной крышкой прямоугольной формы. На нем лежал уже высохший корейский хлебец *тток*, который был приготовлен для совершения церемонии кормления местных духов – *коса*. Надо сказать, что такая церемония очень популярна в Корею, и жива не только в деревнях, но и в Сеуле, и не только среди простого населения, но распространена также в крупных фирмах. Цель ее – обеспечить успех в новых начинаниях. Профессор Юн объяснил мне, что если после совершения *коса* хлебец, использовавшийся там, положить на колодец и подождать несколько дней, то он приобретает особенные целительные силы. Однако об этом хлебце почему-то забыли, и теперь его можно было просто выкинуть.

Пройдя еще немного, увидели слева от дороги небольшую постройку, которая, судя по конструкции и богатой росписи на стенах, служила храмом. Рядом находились два одноэтажных дома традиционного типа, выкрашенные в желтый цвет. На стене одного из них висела каллиграфическая надпись, изображавшая иероглиф «Будда», – это хозяйственно-административные постройки монастыря. Мы направились прямо туда и объяснили цель своего визита. Там оказались всего один монах и женщина лет 50, занимавшаяся хозяйством. Монах рассказал нам следующее:

– Храм Соннимса был основан примерно сорок-пятьдесят лет тому назад. Прямо перед въездом в храм есть дом. Был он здесь и тогда. Сейчас там живет женщина лет шестидесяти пяти. Ее зовут Пак Кёнсун. Ее свекор, можно сказать, и был первооткрывателем изваяния Будды, что находится внутри храма. Как-то свекор стал разгребать землю у холма недалеко от своего дома и случайно обнаружил там каменное изваяние Будды, вырубленное в скале. После этого местность прозвали «Долиной Будды». Затем основали и сам храм: изваяние Будды прикрыли с трех сторон деревянным строением и построили административные здания.

Со временем приехали ученые из Сеула, определили, что изваяние относится к периоду Корё, X – XIV векам. Долго думали, считать ли храм национальным достоянием, да так ничего и не решили.

Но вот что интересно: те, кто помогал и раскапывать изваяние Будды и строить храм, очень долго жили.

Вскоре к нам позвали и саму бабушку. Ко всей истории, уже рассказанной монахом, она добавила:

– Будда этот особенный. Три дня ему будешь молиться – дочь родишь. Пять дней – сына. Я, да и соседи мои, поначалу не верила. Но вот попробовали, все так и вышло...

Поблагодарив монаха за гостеприимство, а бабушку за рассказ, спросили, можно ли перекусить здесь, в административном здании. Еду мы взяли с собой, и требуется лишь горячая вода. Женщина, служившая в храме, дала не только воду, но и корейскую острую капусту *кимчи*, вкусные хлебцы *тток*, в том числе медовые. Поистине, деревенские жители во всем мире одинаково гостеприимны!

После обеда, по ужасающей жаре, хотя небо и было затянуто облаками, продолжили путь до соседней деревни Инсан. И прежде пошли к «Павильону для престарелых», который есть теперь в каждой деревне. Нас там должны были ждать. Тут наше звено разделилось. Девушки опрашивали стариков более на предмет диалектизмов, нежели о каких-либо преданиях. Мужская, то есть менее нужная, часть нашего звена отправилась на вершину ближайшего холма осмотреть могильную стелу «Большого ребенка». «Большой ребенок» – это девушка, жившая в деревне у подножия холма три столетия тому назад. В старину в Корее женщины вообще не имели имен. Чаще всего их называли по имени детей: «Мать такого-то». А девушка не вышла замуж, ибо ее суженый погиб. Поэтому похоронили ее на вершине холма, долг помнили об этом, а не так давно жители деревни на свои деньги поставили новый памятник.

Тут же, по другую сторону холма, сходили посмотреть на стелу у Женьшеневой скалы. Она тоже новая, сооружена в 1989 году. На ней высечен текст, рассказывающий о некоем Чон Умуне, у которого два столетия тому назад заболели родители, и врач сказал, что для их излечения требуется нечто особенное. Почтительный сын отправился тогда в дорогу и в 1784 году пришел в эту местность, поднялся на холм и набрел на огромный камень, что до сих пор лежит тут же, недалеко от стелы. Прожил он на холме три месяца, пока не вырос под камнем женьшень. Выкопал его Чон Умун и увидел, что корень женьшеня был в форме ребенка. Обрадованный, вернулся он домой, а его родители, приняв драгоценное лекарство, выздоровели. После этого события имя почтительного сына стало известно всей округе, а местная администрация даже подала в столицу прошение с просьбой присвоить ему почетный титул «Почтительного сына». Однако тогда в просьбе было отказано. Тем не менее жители этой округи в течение многих поколений не забывали поступка, достойного подражания, и в конце концов воздвигли подобающую стелу.

Осмотрев все самое интересное на холме, мы снова спустились в деревню, где женская половина звена заканчивала опрос. Подождав, пока девушки осмотрят могилу «Большого ребенка» и стелу «Преданному сыну», отправились в соседнюю деревню Очжими. Было около четырех часов дня.

Несмотря на усталость, студенты не теряли энтузиазма, и я вместе с профессором Юном и частью нашего звена попал в дом к одному из старейших жителей деревни по имени Кан Вончжун. Худой старик 77 лет в белой футболке с растянутым воротом и серых брюках расположил нас на крыльце своего дома, попросив внучку нарвать в саду корейской вишни. Вишня светло-красная, более мелкая, чем наша, но вкусна, особенно на голодный желудок.

О многом рассказывал старик, а студенты тщательно записывали его рассказы в свои рабочие блокноты. Говорил об особенностях свадебной церемонии в его родной деревне, о том, что, когда кто-то заболевает, часто зовут шаманов из соседних деревень. Вспоминал о

церемонии моления Небу о дожде – *киучжэ*. Проводится она на вершине самой высокой горы в округе, как раз на холме Большого ребенка. В жертву приносят свинью, которую покупают на деньги, собранные со всех жителей. Кроме свиньи, женщины готовят и другие церемониальные блюда, которые мужчины берут с собой в гору. Женщины в церемонии, естественно, не участвуют. Совершив необходимые поклоны, прочтя заклинания, собравшиеся на горе едят столько, сколько смогут, а оставшееся приносят в деревню.

И еще говорил старик о церемонии жертвоприношений Небу, которая совершалась раньше в первый день третьего месяца по лунному календарю, ровно в полдень. Связано это было с местной легендой о некоем дедушке Ёндоне, который давным-давно во второй лунный месяц спустился с Небес в деревню, пробыл там две недели и снова вернулся на Небо. Объяснить происхождение имени старик не смог. Профессор Юн тоже впервые слышал о таком.

Да, много удивительного и неизвестного хранит земля корейская, и уходит все это вместе со стариками, растворяется в потоке лучей компьютерных мониторов, заливающих новым светом логичности «предрассудки» старины.

Наконец старик заканчивает свой рассказ, который, кажется, он готов вести до бесконечности. Я сижу рядом со студентами и тоже иногда принимаю участие в беседе. Отношение ко мне теплое, и главное, меня практически никак не выделяют из состава участников экспедиции, считают вроде как своим.

Времени уже далеко за семь вечера. Еще не темно, но чувствуется, как день идет на убыль. Пора возвращаться в деревню Чунбан, откуда мы вышли сегодня утром и где нам предстоит ночевать. По дороге спрашиваем деревенских женщин, всем им за пятьдесят, есть ли где-нибудь поблизости дом шамана? Говорят, что есть, за холмом. Идем в указанном направлении. И в небольшой ложине нам открывается одинокое здание, совсем новое, выстроенное из кирпича, с застекленной верандой и шиферной крышей. От грунтовой дороги к нему ведет свежезацементированный спуск. Перед домом стоит довольно дорогой корейский автомобиль. Вдоль веранды ходит молодой мужчина лет 30, в шортах и футболке.

Профессор Юн спускается к дому, одновременно просит студентов подождать в стороне. О чем-то говорит с хозяином. Оказывается, шамана здесь нет. Одна из родственниц хозяина, действительно, занимается шаманским ремеслом, но она давно уже не живет в этой местности.

Тогда я еще не знал, что все дома в Корее, где проживают шаманки, помечаются особым образом: над крышей устанавливается длинный шест, на вершине которого прикрепляются белая и красная ленты (или небольшие флажки). Ничего подобного на этом зажиточном доме не было.

Немного разочарованные, мы вернулись в деревню Чунбан. Девушки-студентки приготовили ужин, в том числе и жареную картошку с луком – блюдо совсем не корейское, но уже приживающееся в некоторых сеульских домах. После ужина студенты, и девушки и юноши, вместе отправились на кухню «Павильона для престарелых» мыть посуду, а в углу большой комнаты, там, где мы ужинали, расположились профессор Юн и старик по имени Син Сонхо. Я был тут же, на полюбившемся мне месте под сломанными настенными часами, в некотором отдалении от говоривших. Однако это не мешало мне с интересом вслушиваться в речь старика:

«Да, важная это вещь – сыновняя почтительность. Ведь родители дали нам жизнь, наше тело, благосостояние. Поэтому мы должны уважать их. А после смерти надо совершать церемонии кормления духов умерших родителей, и вообще помнить о предках. У нас в деревне все верят в существование духов предков. Так принято. Так нас учили.

А современная молодежь – как мотыльки-однодневки. Живут одним днем. Ни о прошлом не думают, ни о будущем. И распустились совсем. Ехал я как-то в автобусе и слышу, как одна молоденькая девчонка спрашивает другую: „А ты купила мне сигареты?“ Ну что же это такое?!

А разводов теперь сколько стало! Я думаю так, с женой надо жить до конца, до самой смерти. И не важно, любишь ты ее или нет, живешь мирно или ругаешься, калека она или красавица. И только тогда государство будет крепким.

Все это – наше традиционное конфуцианство. Очень мудрое учение, и нельзя его вот так просто выкидывать на помойку...»

И так, за беседой, незаметно настало одиннадцать вечера. Я вышел на улицу. Перед «Павильоном для престарелых» крутились детишки, какой-то молодой деревенский парень пытался заманить меня на рюмочку водки. Как всегда оказавшийся к месту, профессор Юн отсоветовал:

– Не нужно ходить с ним. Это не то чтобы опасно, но лучше не ходите. Лучше отправимся спать.

Студенты в это время подметали перед сном полы, усеянные мошкаркой, слетающей на ночной свет. И никакие сетки ей не помеха. На ночь студенты расположились прямо на полу. Однако мне и профессору Юну нашли подстилки и одеяла. Меня очень заинтересовали деревянные колобашки, сложенные в углу, – традиционные корейские подушки. Старики иногда спят на них, отдыхая в дневную жару. Я тоже решил попробовать себя в роли настоящего корейца, но через десять минут голова заболела, и я положил под голову свой походный рюкзачок. Несмотря на жару, сон пришел быстро.

День третий, 23 июня 1995 года.

Утро выдалось солнечным и не очень жарким. Умывался и чистил зубы под краном, расположенным во дворе у «Павильона для престарелых». Площадка перед краном с холодной водой цементированная. Рядом стоят несколько пластмассовых тазиков, куда следует наливать воду, и уже затем умываться. Мыться из крана не принято. Это элемент корейской культуры умывания. Одно время мне казалось, что такой способ как-то связан с экономией воды. Однако, как выяснилось позже, воды при подобной процедуре потребляется ничуть не меньше, чем если бы она лилась из крана слабой струйкой. Просто уже в течение тысячелетий корейцы умываются, сидя на корточках и поливаясь из плошки. И традиция эта сохраняется даже в современных домах – там, где есть ванны и душ. Так же набирают воду в тазик, садятся на корточки и обильно поливаются водой.

И еще одно поразило меня. В «Павильоне для престарелых» есть кухня, а значит – и краны с водой. Однако никто не умывается там, даже не чистит зубы. Место для приготовления пищи с мытьем несовместимо.

Итак, позавтракав и собрав вещи, наше 6-е звено отправилось на автобусную остановку. Оттуда путь лежал в селение Токсан – центр одноименного округа, чтобы затем добраться до селения Сончжанни, где, по сведениям чиновников из Отдела культуры окружной администрации, проживал дед, знающий много песен и легенд.

Приехав в Токсан, спрашивали прохожих, как попасть в деревню Сончжанни. Судя по карте, она находилась совсем недалеко от окружного центра. Одни говорили, что идти туда минут сорок, другие – пару часов. Так или иначе, вышли на узкую бетонную дорогу, которая вела в нужном направлении, и побрели по жаре вдоль невысоких холмов. Мимо нас проехал легкий грузовик белого цвета и почему-то остановился. Водитель вышел и обратился к профессору Юну как самому старшему, не группа ли это студентов из университета Тангук. Удивительно, как быстро распространяются слухи. И селение вроде не такая уж глубинка, все атрибуты современного технического прогресса здесь налицо. Однако традиции... Спросил, куда мы следуем, и, услышав название деревни, предложил подбросить туда.

Студенты дружно забрались в кузов, профессор Юн и кто-то из студенток сели в кабину.

Водитель вел грузовик очень осторожно, и встречный ветер приятно освежал в эту невыносимую жару. Дорога заняла около получаса. Страшно было и подумать о том, как бы мы

шли пешком. Расставаясь, водитель пригласил зайти к нему домой после окончания опроса местных жителей. Как оказалось, сам он тоже был из этой деревни.

Визит к деду Пак Тону, который якобы знал много песен и легенд, принес одни только разочарования. Оказывается, он был известен местной администрации только потому, что часто во время летних каникул принимал студентов из провинциального университета Сонсилль, которые на несколько недель останавливались в деревне, а он их учил уму-разуму насчет традиционной сельской жизни. Легенд же и песен знал мало. Рассказал, между прочим, о том, что в окрестностях деревни есть могила лошади полковника Ли Ёнгуна, которая, говорят, умела скакать быстрее стрелы и помогала своему хозяину одерживать победы во всех сражениях. Однако все это уже было известно профессору Юну из краеведческих справочников. Напел и мелодию песни работников – *сансориккун*, у которой есть лишь припев, состоящий из звукоподражаний, а сам текст песни придумывается по принципу: что вижу, о том и пою. Такие песни не особенно интересовали студентов. А в заключение своих пространных речей произнес:

– Если вы хотите узнать что-то старинное и малоизвестное, вам нужно ехать в восточные провинции – Канвон и Кёнсан. А у нас что?.. У нас ничего не осталось. Никаких церемоний жертвоприношений Небу у нас нет, злых духов не выгоняем.

И тем не менее кое-что интересное увидеть удалось. Продолжая свое пессимистическое заключение, старик Пак сказал:

– Правда, есть и у нас кое-что. Была около деревни раньше река, и два камня в ней – большие такие. Их прозвали «Большая скала». И думали люди, что камни эти приносят счастье. Поэтому, кстати, и основали здесь давным-давно деревню. А вот недавно решили проложить дорогу и изменили русло реки. Камни оказались в стороне от течения и заросли в конце концов тростником. Невидно их стало совсем. И с тех пор стала жизнь в деревне хуже. Ох уж эти власти! Совсем перестали уважать традиции, прислушиваться к мнению стариков! А вы не хотите их посмотреть? Я думаю, их обязательно нужно посмотреть. И сделайте, пожалуйста, фотографию. Скажите словечко, где надо.

Итак, вышли мы вслед за стариком и отправились к дороге. По пути старику Паку встретился односельчанин. Пак объяснил, куда мы идем. Тогда односельчанин вдруг как-то нахмурился, лицо его покраснело, и он стал крепкими словами, бурно жестикулируя, ругать власти и причитать: мол, что же это сделали с деревней, совсем жизни не стало, как засыпали камни.

Мы перешли через дорогу. Где-то в ямах, буйно заросшие, едва проглядывали два небольших камня, размерами с половину легкового автомобиля.

Узнав, что недалеко в окрестностях ведутся раскопки, мы пошли туда. В углу площадки, местами размеченной, стоял тент, стулья под ним, рядом палатка. На столах под тентом – неубранные арбузные корки. Археологи, очевидно, ушли на обед, и узнать что-либо о раскопках так и не удалось.

Пора было обедать и нам. Медленно поплелись в сторону деревни. Студенты срывали по дороге малину. Предложили немного и мне. Профессор Юн отстал по дороге, и потом мы долго ждали его у дома старика Пака. Он, оказывается, вместе с теми, кто не пошел к камням и месту раскопок, отыскал интересного информанта и записывал легенды. Мы же, большая часть звена, ждали под навесом дома около часа.

Устав сидеть, я пошел прогуляться и обнаружил свалку холодильников, вполне еще пригодных к эксплуатации, но устаревших и потому немилосердно выброшенных.

Наконец пришел довольный профессор Юн, и мы отправились в дом к Ли Хынсоку – водителю грузовичка, что подвез нас до деревни.

Во двор, окруженный с четырех сторон одноэтажными традиционными жилыми и хозяйственными постройками, вели ворота. На улице сидела старенькая бабушка и разбирала овощи. Как и полагается, сняв обувь, мы вошли в дом, расположились на полу. Сразу обра-

тили внимание на потолок, где практически по всей его площади из сигаретных коробок были выложены красные иероглифы «счастье» (сигареты марки «Сосна») на голубом фоне (сигареты марки «88»). На стене точно таким же экстравагантным способом был выложен девиз семьи, пожалованный знаменитым государем Сечжоном, создателем корейского алфавита, еще в XV веке. Очевидно, хозяин дома происходил из старого рода местных аристократов. Пока его жена готовила нам обед, хозяин показал альбомы с фотографиями местных достопримечательностей, потом появился альбом с марками. Хозяин попросил меня уточнить страну происхождения некоторых из них. Затем он повел нас в свой «кабинет», где показал рукопись романа, написанного им еще лет двадцать назад, свои стихи, а также различные квитанции, например за оплату электроэнергии за последние десять лет.

Впечатление от визита было более чем странное. Однако литературные начинания хозяина дома у меня почему-то не вызывали сочувствия. Профессор Юн тем не менее подробно записал личные данные хозяина, чтобы затем сообщить о нем в университет. Мне он объяснил, что в Корее интересуются такими деревенскими самородками, и иногда даже помогают им.

За обедом Ли Хынсок рассказал, что деревня отличается тем, что всякая женщина, выходящая замуж за местного мужчину, обязательно рождает мальчиков. И это – большое достоинство деревни.

Действительно, для Кореи с ее культом предков до сих пор очень и очень важно иметь в семье именно мальчика. Церемонии поклонения духам предков может совершать только мужчина. Родословная ведется также по мужской линии.

После обеда, угощая кофе, хозяин сообщил, что все жители этой деревни очень любят кофе и, когда уходят в поле на работы, обязательно берут с собой термос с этим напитком.

А надо сказать, что на юго-западе Кореи до сих пор встречаются селения, где невозможно купить ни кофе, ни кока-колу по той простой причине, что жители их просто-напросто не пьют.

Итак, обед закончен, сделана фотография на прощанье, и хозяин на своем грузовичке везет нас до окружного центра Токсан, откуда мы на рейсовом автобусе продолжаем путь в уездный центр Чинчхон. Экспедиция практически закончена. Сегодня вечером еще предстоит общий торжественный ужин, где студенты должны будут отчитаться о проделанной работе. Завтра все вместе, все восемьдесят человек экспедиции, будут тренироваться в снятии копий с надписей на каменных стелах. Но это будет завтра.

А сегодня до семи часов вечера свободное время. В семь все должны собраться в том же ресторане у «штабной» гостиницы, в котором проходил первый обед фольклорной экспедиции.

Время летит быстро. Вот и семь вечера. Однако на столах есть нечто, отличающее ужин сегодня от обеда 21 июня. Это – корейская 25-градусная водка *сочжу*.

Студенты отчитываются как-то скомканно, не показывая и трети проделанной работы. Еще мало опыта. Однако все выступления сопровождаются теплыми аплодисментами. Произносит заключительную речь начальник экспедиции профессор Ю. Приступаем к ужину. Я, естественно, сижу за столом с профессорами. Едим, пьем, а потом начинается нечто неожиданное. К столу профессоров подходят студенты, каждый с бутылочкой в руках, наливают своим преподавателям по рюмочке, громко называют свое имя и курс и предлагают выпить. Я в недоумении. Сидящий рядом со мной профессор Юн объясняет:

– Дело в том, что во время учебного процесса отношения между студентами и преподавателями очень официальные. К тому же у профессоров нет возможности как-то ближе познакомиться со студентами. И это у них, студентов, единственный шанс представиться, как-то запомниться тем, кто будет их учить, принимать экзамены.

Постепенно столы пустеют. Кто-то уходит раньше, кто-то еще произносит последние тосты. Наконец студенты подходят к преподавателям и предлагают за их студенческий счет сходить в салон караоке – *норэбан*, попеть, еще выпить немного. Профессора соглашаются, и

каждый идет в то звено, с которым проводил экспедицию. Я с профессором Юном – соответственно в 6-е звено.

Корейские салоны караоке везде одинаковы: и в Сеуле, и в самой отдаленной провинции. Узкая лестница на второй или третий этаж невысокого здания, в котором может находиться еще ряд заведений досуга. При входе – узенький холл со стойкой и видеоаппаратурой, откуда хозяин управляет всем салоном. За холлом – коридор со множеством дверей в небольшие комнаты, оклеенные обоями темных тонов. Видеосистема с программой заказа песен в каждой. У стен – диваны и стулья. Посередине – стол, где лежит список песен. Два микрофона.

Обычно перед тем, как зайти в комнату караоке, клиент заранее оплачивает время нахождения в салоне: полчаса, час или более. Курить и распивать спиртные напитки в таких заведениях запрещено, но иногда хозяин на свой страх и риск разрешает употребление спиртного, что грозит ему закрытием заведения в случае, если он попадется полиции. После того как песня заказана, на экране монитора строка за строкой появляется ее текст, звучит музыкальное сопровождение. Фоном для текста в лучшем случае служат картинки из области спорта или пейзажи, в худшем – кадры из шоу «Мисс побережья», которые, как правило, совсем не соответствуют лирическому содержанию песен. После окончания исполнения песни компьютер выдает на экране монитора оценку по 100-балльной системе с комментариями вроде «Поздравляем с рождением новой поп-звезды!». Корейцы великолепно поют. Однако, по моим наблюдениям, оценки, выдаваемые компьютером, редко соответствуют реальному мастерству поющего. Тем не менее все посетители очень довольны и при желании за небольшую плату могут получить даже кассету с записями голосов участников похода в *норэбан*.

День четвертый, 24 июня 1995 года.

Последний день экспедиции выдался каким-то формальным и не столь интересным, как предыдущие. Я проснулся в 7.30 и, памятуя недовольство мною профессоров в первый день ночлега, быстро собрался. Завтракали в том же ресторане, специализировавшемся на похлебке из морепродуктов *хэчжангук*, что и во второе утро поездки. После завтрака без каких-либо происшествий все участники экспедиции сели в автобусы и отправились в южную часть уезда Чинчхон к конфуцианскому храму Сонганса, где студенты должны были практиковаться в снятии копии с каменной стелы.

Для меня это было очень интересно. Сразу вспомнились таинственные белые иероглифы на черном фоне – так выглядит отпечаток-копия, снятая с твердой поверхности. Подобная есть и в секторе Дальнего Востока Института востоковедения¹² в Санкт-Петербурге. Я знал, что знаменитый китаевед академик В. М. Алексеев делал такие копии в Китае почти столетие тому назад, но не слышал, чтобы кто-либо из отечественных корееведов имел подобный опыт. К тому же теперь это стало делать гораздо сложнее. Все исторически ценные стелы находятся на государственном учете. Производство каждой копии в какой-то степени негативно отражается на состоянии памятника. Поэтому, прежде чем приступить к копированию старинных надписей, высеченных на камне, нужно получить официальное разрешение. А при выдаче разрешения власти смотрят на то, действительно ли вы настолько квалифицированы, чтобы сделать копию хорошо, не повредив памятник.

Зачем делают такие копии? Во-первых, читать текст, написанный на древнекитайском языке, бывшем официальным языком делопроизводства в Корее вплоть до конца XIX века, удобнее сидя дома, нежели находясь где-нибудь в сопках. Во-вторых, иероглифы часто плохо различимы, сливаются с фоном, в особенности на очень старых стелах. На копии надпись выглядит намного четче.

---

¹² В настоящее время – Институт восточных рукописей РАН.

Итак, приехав на место, студенты вышли из автобуса и дружно принялись за дело. Кто-то пошел за водой, кто-то принес лестницу. Сначала стали мыть стелу, поставленную в честь известного поэта и конфуцианского ученого XVIII века Чон Сонгана. Одновременно студентки, разложив на земле газету, стали готовить тушь. Далее чистый памятник смочили водой и наложили сверху особую корейскую бумагу для снятия копий, кисточками «приклеили» ее с помощью той же воды. Затем стали особыми щетками вбивать бумагу в камень, так, чтобы проступили иероглифы. Закончив эту работу, особыми валиками-мешочками с чумизой внутри, смоченными в туши, стали равномерно проходиться по всей поверхности памятника так, чтобы образовывался черный фон и белые иероглифы в выемках.

Начинали все операции профессора. Далее под руководством ассистентов пробовали студенты, а с ними и я. Работа шла дружно, весело, хотя все очень устали за дни экспедиции. И вот копии сняты, разложены на просушку. Наступило время обеда.

Из автобусов достали нечто вроде сухих пайков, разложили под огромным деревом, где были сооружены столики для туристов, посещающих стелу. Сухой паек, или по-корейски *тосирак* – «пища с собой», – это контейнер прямоугольной формы, в котором обязательно находятся рис, корейская капуста *кимчи* и – по средствам и вкусам клиента – мясо, рыба, редька, перец или что-то более деликатесное, вроде креветок.

Честно сказать, я уже был очень голоден к этому времени и краем глаза посматривал на профессоров, закупивших в магазинчике при храме несколько бутылок пива и уютно расположившихся под навесом, несколько в стороне от всей компании студентов. Однако сегодня никто уже не звал меня к столу преподавателей. Немного в растерянности стоял я так между студентами и профессорами, пока одна девушка из моего 6-го звена не подошла и не позвала меня:

– Учитель, пойдёмте есть с нами, с нашим шестым звеном!

Меня не нужно было просить дважды.

Поев и собрав мусор в коробки из-под сухого пайка, студенты сфотографировались на память на фоне стелы и по команде профессоров расселись по автобусам. На обратном пути практически все спали.

У кампуса университета Тангук в городе Чхонан также сделали общую фотографию. Студентов собрали на небольшой инструктаж. Мне же профессор Юн сообщил, что один из двух автобусов, привезших нас, пойдет дальше в Сеул, и я могу спокойно поехать на нем.

Долго ждать не пришлось. Всего в Сеул ехало человек двадцать студентов. Остальные жили, видимо, в общежитии чхонанского кампуса. Я сел на переднее сиденье, расслабился было, как ко мне подошла студентка и сказала:

– С вас две тысячи вон за дорогу. Мы все собираем водителю по две тысячи.

Я раскрыл кошелек, передал нужную сумму, а вскоре уже дремал, утомленный жарой и монотонностью дороги.

5. Снова экспедиция – в уезд Чанхын

Вторая экспедиция в июле 1995 года уже не стала для меня такой неожиданностью, как первая. Я теперь знал, что ожидать, как к ней готовиться. Однако были в этой экспедиции и свои особенности. Несколько иными оказались ее цели: не только запись народных песен, преданий и легенд, но и поиск новой рукописной и ксилографической литературы, которая осталась в провинции у частных владельцев и могла бы представлять интерес для изучения родной истории и культуры. Именно поэтому в экспедицию решил отправиться и профессор Хван Пхэган, крупнейший специалист Южной Кореи в области традиционных памятников письменности. Иным получился и состав экспедиции. На этот раз все студенты и профессора пред-

ставляли два факультета столичного кампуса университета Тангук: факультет традиционной литературы и факультет родной словесности.

Поскольку местом полевых исследований фольклорной экспедиции (второй для меня, но 78-й для студентов университета) была самая южная часть Корейского полуострова, то решили добираться туда сначала поездом до города Кванчжу, а оттуда на рейсовом автобусе до уезда Чанхын.

День первый, 24 июля 1995 года.

Участники экспедиции должны были собраться утром к 8.30 на Сеульском вокзале в зале отправления. В отличие от первой экспедиции студентов было совсем немного – человек тридцать-сорок. Это и понятно. Сеульский кампус значительно меньше чхонанского.

Сначала подтягивались преподаватели. Профессор Хван Пхэган пришел одним из первых. В общении со мною он был несколько сдержаннее, чем обычно. Я сразу получил отпечатанный на принтере план экспедиции и погрузился в его изучение. В нем не только указывался распорядок и состав экспедиции, но и давались краткие аннотации к тем историко-культурным объектам, которые предстояло посетить.

Сеульский вокзал – это сооружение, заслуживающее особого описания¹³. Здание его состоит из двух частей. Фасад, обращенный к площади, построен еще при японцах в имперском стиле. Однако основная часть вокзального сооружения находится над железнодорожными путями, будучи как бы мостом, соединяющим две части города. Это вполне современное здание с огромным залом ожидания, билетными кассами, кафе, ресторанами и универмагом на втором этаже.

Когда все участники экспедиции собрались, раздали билеты, в которых были указаны номер вагона и места. Корея – страна небольшая; дорога на поезде занимает максимум четыре часа, поэтому все поезда с местами.

Поездка до Кванчжу длится более трех часов. Студенты, да и большинство преподавателей, коротали путь, созерцая сны. Я же беседовал с профессором Хван Пхэганом о корейских мифах, в частности о тех, в которых заметно влияние буддийских сюжетов. Было необычайно интересно, но очень хотелось спать, так как накануне экспедиции я спал всего часа три: сборы в дорогу заняли немало времени, да и сказалось волнение.

Уже на вокзале в Кванчжу участники экспедиции разделились на две самостоятельные группы: факультет родной словесности отправился по своему, заранее определенному маршруту, а я вместе с факультетом традиционной литературы – по своему. Встретиться нам предстояло во второй половине дня 26 июля, уже на обратном пути в Сеул.

Поездка на обычном рейсовом автобусе из Кванчжу до города Чанхын – административного центра одноименного уезда – заняла несколько часов и прошла быстро и незаметно. Из небольшого сугубо функционального, то есть не имеющего заметных архитектурных отличий от окружающих, здания автовокзала прямо с вещами мы направились в администрацию уезда Чанхын – неизбежный шаг перед началом любой экспедиции в провинции. И это не просто формальное извещение властей о прибытии студентов и профессоров и предполагаемом маршруте экспедиции. Визиты в районную администрацию могут оказать реальную помощь в собственно научных изысканиях. Во-первых, в них есть специальные отделы культурной информации, в которых работают люди, прекрасно знакомые с местной историей и традициями. Во-вторых, в таких уездных администрациях существуют обширные библиотеки, в которых собраны уникальные местные издания по истории и культуре, часто отсутствующие в столице.

Итак, я, профессор Хван Пхэган и еще три профессора вошли во внушительных размеров четырехэтажное здание администрации. Студенты остались ждать на улице. Сначала мы

---

¹³ В настоящее время описываемые здесь старые постройки Сеульского вокзала используются исключительно как музейные и торговые площади.

отправились в отдел культурной информации. Профессора представились одному из сотрудников. Нам предложили чай. Он в Корею зеленый, подают его в миниатюрных (по-нашему – чуть ли не кофейных) чашечках и почему-то всегда чуть теплый.

Через некоторое время пришел начальник отдела. Профессора сообщили о цели своего визита, после чего нас пригласили пройти в библиотеку провинциальной администрации – большой зал со столами для заседаний посередине и стеллажами с книгами по периметру. Две молодые женщины сидели за столами и занимались каталогизацией библиотеки. Между профессорами и представителем администрации завязалась оживленная беседа.

Сначала наш провожатый представил местные книжные издания: серию, описывающую историю уезда с незапамятных времен и до наших дней – *кунги* (##), отдельное собрание, посвященное средневековым государственным конфуцианским школам *хянгёчжиси* (###) уезда Чанхын, а также сборник рассказов писателей – выходцев из уезда.

Затем кто-то из профессоров спросил о корейских родах, ведущих свое происхождение из уезда Чанхын. Ими оказались фамилии Ма (#) и Лим (#). Далее разговор зашел о местных достопримечательностях, которые следовало бы посмотреть во время настоящей фольклорной экспедиции.

После уездной администрации нам еще предстояло нанести визит в особое управление культуры, которое располагалось в другой части города, куда мы отправились пешком. По дороге я отметил, что в этом южном городе население довольно активно пользуется велосипедами. Есть даже особые велосипеды для полиции с соответствующей надписью на раме.

Визит в управление культуры, располагавшееся в одноэтажном оштукатуренном и выкрашенном белой краской здании, оказался очень долгим и скучным. Снова бесконечное сидение в кабинете и ожидание начальника. Наконец начальник управления пришел, поговорил с профессорами о том о сем и выдал справочную литературу об уезде Чанхын.

Так формальная часть поездки завершилась. Студенты, находившиеся все это время снаружи, поймали где-то небольшой автобус, который довез нас до первой цели экспедиции – частной конфуцианской школы *совон*, основанной в 1698 году в честь конфуцианских ученых – братьев Мин Чончжуна (###, 1638–1692) и Мин Ючжуна (###, 1630–1687). В 1726 году школа указом государя получила название «Ёнгок совон» (#####), что значит «Палата книг Ущелья потока».

Совон находился на окраине уездного центра Чанхын, и дорога туда заняла всего около двадцати минут. Когда мы приехали, уже стемнело.

Совон представлял собой территорию, огороженную забором, на которой находилось несколько небольших одноэтажных зданий, выстроенных в традиционном стиле. И ворота, и двери помещений – все было заперто на замок. Однако нас ожидал смотритель *совона*, который и открыл помещения.

Несмотря на то что уже наступила темная южная ночь, студентам предстояло выполнить довольно сложную работу: отпечатать ксилографическим способом предисловие к «Собранию сочинений Нобона», доски оригинала которого хранились в *совоне*. (Нобон – это литературный псевдоним ученого Мин Чончжуна.) Местом хранения печатных досок был небольшой деревянный павильон, 8–10 м², с деревянными решетками вместо окон и стен. Студенты зажгли огромные фонари и стали переносить доски из хранилища к главному зданию школы. В нем было электрическое освещение; недалеко находился водопровод, что позволяло даже глубокой ночью заниматься ксилографической печатью.

Как выглядит ксилографическая доска? Это деревянный прямоугольник размером примерно 30 на 40 см, на котором с двух сторон вырезаны иероглифы. Он называется *мокпхан* (## #). С двух краев к доске прикреплены два бортика *магури* (###). Одна из их функций – обеспечивать доступ воздуха, то есть вентиляцию поверхности доски во время ее хранения. А хранятся доски, будучи сложенными в огромные штабеля, одна на другую. Без бортиков поверх-

ности досок соприкасались бы друг с другом, что в условиях жаркого и влажного лета привело бы к гниению дерева.

Итак, как происходит печать? Прежде всего, необходимо очистить поверхность печатной доски специальной щеткой. Одновременно готовится тушь. На Дальнем Востоке ее действительно нужно *готовить*, так как производится она в виде твердого черного бруска, который перед употреблением растирают на особой растирочнице, добавляя в образующийся порошок воду. В процессе растирания для лучшего качества печати можно вмешать яичный белок или порошок из сушеных трав для того, чтобы от книги исходил приятный аромат, который в то же время защищал бы ее от насекомых. Также перед печатью по размерам доски нарезается особая корейская бумага *ханчжи* (##). Она действительно «особая» – и не только по способу изготовления. Для демонстрации ее необычных качеств профессор Хван Пхэган на моих глазах скомкал лист бумаги в кулаке, затем расправил, сказав, что через некоторое время лист примет тот же вид, что и до деформации. Сделав это, он отдал бумагу мне. Действительно, примерно через месяц бумага вернулась к практически первоначальному виду – как новая.

Доска, тушь и бумага готовы. Что же происходит дальше? Непосредственно перед печатью доска увлажняется водой. Затем доску смазывают тушью, после чего два человека натягивают лист бумаги над доской, прижимая его к выступающим бортикам *магури*. Третий участник процесса печати с помощью особой растирки *тамбо* (##), представляющей собой мешочек, заполненный чумизой, растирает бумагу сверху до получения отпечатка. Обычно первый отпечаток с доски не очень хорошего качества, и нужно сделать несколько копий, чтобы печать получилась четкой и ясной.

Попробовал печатать и я. Ксилографическая книга, остававшаяся для меня всегда чем-то таинственным и необычайно ценным, которая в библиотеках России выдается только в читальный зал, – создавалась моими собственными руками. И это было южной корейской ночью, в настоящей конфуцианской школе, рядом с храмом предков, посвященным Мин Чончжуну и Мин Ючжуну. Отпечатки получились хорошими, и профессор Хван даже пошутил, заметив, что «от имени Кореи выдает лицензию» мне на самостоятельное книгопечатание.

Для большинства студентов работа также оказалась новой. Поэтому все предисловие сочинения отпечатать не удалось, только оглавление.

Печатать закончили около часу ночи. К этому времени доски были вымыты и перенесены в павильон-хранилище. А мы готовились к ночлегу. Профессорам, среди них и мне, выделили отдельную комнату главного здания, *совона*, где студенты заблаговременно развесили марлевый полог от ночного гнуса и зажгли особые курения против насекомых. На стене комнаты я обнаружил лягушку и позвал студентов. Они тоже удивились тому, что в Корее есть лягушки, умеющие передвигаться по вертикальным поверхностям. «Непрошеного гостя» не без труда удалили.

День второй, 25 июля 1995 года.

Второй день должен был стать очень напряженным, планировалось совершить четыре переезда. В конфуцианской школе Ёнгок нам оставалось сделать лишь две вещи: выслушать рассказ зрителя об эксплуатации *совона* в наши дни и совершить церемонию поклона духам предков ученых, в честь которых он был основан.

Утром все проснулись около шести. Никакого завтрака. Он запланирован на более позднее время. А пока – время для работы. К нам пришел глава *совона* Ёнгок господин Ли Геён – полный, пожилой, уже заметно облысевший мужчина, одетый в брюки темно-синего цвета и белую рубашку с короткими рукавами. Он пригласил всех участников экспедиции в учебное помещение *совона* и распахнул его задние двери, за которыми открывался живописный вид на ближайшие холмы. Говорил он весьма эмоционально. Его небольшая лекция послужила хорошим дополнением к тому, что поведал мне о *совоне* профессор Хван Пхэган еще вчера.

Ли Геён рассказывал, что *совоны* в настоящее время играют роль скорее храмов предков, чем учебных заведений. Действительно, в них всегда есть такие храмы в честь основателей *совона*. А еще они и культурно-исторические памятники. Тем не менее государство не выделяет денег для их эксплуатации. Все держится на инициативе и жертвованиях родственников того, в чью честь основано учебное заведение. Примерно один раз в год потомки собирают деньги, которые передают добровольному смотрителю *совона*. Как правило, это один из родственников. Деньги в основном уходят на содержание храма и школы, хотя что-то перепадает и самому смотрителю, не получающему никакой официальной зарплаты за свою работу. Но вчера профессор Хван говорил о *совонах* в целом. А сегодня утром господин Ли Геён сообщил нам о проблемах *совона* Ёнгок, в котором нам посчастливилось провести ночь.

Сейчас, говорил Ли Геён, очень и очень трудно поддерживать порядок в *совоне*. Не хватает денег. Есть 23 человека – члены комитета управления *совоном* Ёнгок, все потомки Мин Чончжуна. Но они не слишком жалуют школу (храм) своим вниманием. Приезжают всего один раз в год, да и деньги дают небольшие.

Вообще история у *совона* печальная. Во времена правления отца государя Кочжона, регента *тэвонгуна* (1863–1873), *совон* был уничтожен, и осталась лишь памятная стела, указывавшая на прежнее место его нахождения. В своем современном виде *совон* был восстановлен лет 15–20 назад. Но пока еще не оборудован нормальный туалет у жилой части строений. Поэтому и гости в *совоне* долго не задерживаются, и студенты не приезжают учиться...

Но вот заканчивается эта эмоциональная, печальная речь смотрителя, и всем нам предстоит совершить поклон духам Мин Чончжуна и Мин Ючжуна, в том числе и для того, чтобы поблагодарить за предоставленный ночлег и возможность попрактиковаться в ксилографической печати.

Я рассказывал профессору Хван Пхэгану о том, что интересуюсь проблемой культа предков в Корею. Поэтому для церемонии поклона было решено одеть меня в традиционные церемониальные одежды. Остальные члены экспедиции – и профессора, и студенты – должны были совершать поклон в обычной «европейской» одежде.

Оказалось, что в комплексе построек есть специальное здание для хранения церемониальных нарядов, куда меня и провели. С чувством таинственного трепета и не меньшего любопытства я облачился в халат из искусственного голубого шелка, черную чиновничью шляпу с подвязками и обул черные тканевые сапоги с загнутыми носами и красной окантовкой. Последнее мне пришлось сделать, подогнув пальцы ног, так как подходящих размеров обуви не нашлось. Однако чего только не сделаешь, чтобы получить уникальный опыт! В настоящем храме предков, в настоящей конфуцианской церемониальной одежде совершить настоящие поклоны!

Есть три вида церемониальных поклонов. Для государя – это четыре поклона подряд, для духов предков – два, для здравствующих родителей – один.

Сначала поклон предстояло сделать мне как особому гостю, а потом уже и всем остальным. В церемониальном облачении я зашел через внешние ворота на территорию храма предков, отгороженную отдельным забором. В храм предков всегда ведут трое ворот. Правые предназначены только для входа в него, левые – только для выхода. Средние – для передвижения духов предков. Люди через них не ходят. Поэтому я вошел через правые ворота.

В самом храме предков – одноэтажном здании, построенном в традиционном стиле, также есть три двери с точно такими же функциями, что и ворота. Поэтому и в храм предков я вошел также через правые двери. Все двери храма предков *совона*, как полагается, были обращены на южную сторону.

В помещении уже находился хранитель *совона* Ли Геён, игравший роль распорядителя церемонии. На деревянном полу храма он расстелил циновки, зажег три ароматические свечи и две обыкновенные, восковые. Затем снял футляр с деревянной таблички, вертикально стояв-

шей на большой прямоугольной тумбе с ножками. К табличке была приклеена полоска бумаги с именем основателя *совона*. Я все это время стоял внутри здания на пороге у входа. Ли Геён пригласил меня взойти на циновку. Не снимая ритуальной обуви, я стоял и ждал команды. По знаку распорядителя сначала встал на колени, затем опустил руки, положив одну поверх другой на пол, наклонился к рукам, коснувшись лбом пола, немного побыл в таком положении, снова встал и еще раз таким же способом совершил второй поклон. Я совершал поклон покойному и поэтому свою левую руку положил поверх правой.

Когда я закончил кланяться, меня попросили отойти в сторону к левой двери, и на мое место встал молодой преподаватель Ким Ёнсу. Студенты в это время выстроились в ряд перед храмом. Снова последовала команда распорядителя, и преподаватель вместе со студентами также совершил двойной поклон.

Переодевшись, я спросил профессора Ким Ёнсу, почему зажигают именно три ароматические свечи. Он пояснил мне, что цифра три в данном случае имеет два значения. Первое – это символ духа-производителя, которого называют *самсин* (##), что в переводе как раз означает «три духа». Во-вторых, цифра три в корейской культуре нередко воспринимается в значении «много». Таким образом, ставя три свечи, предкам преподносят вообще, так сказать, «все, что можно предложить».

Итак, мы поблагодарили духов Мин Чончжуна и Мин Ючжуна. Студенты собрали вещи. Сделали последние фотографии. И – прощай, Ёнгок *совон*!

До городка Чанхын мы идем пешком. Оказывается, это совсем недалеко. Завтракаем в небольшом ресторанчике супом из морепродуктов. Я бы с большим удовольствием съел бутерброд и выпил кофе. Но все остальные участники экспедиции очень довольны завтраком, после которого мы отправляемся на автостанцию, откуда на рейсовом автобусе нам предстоит поехать в буддийский храм Поримса в горах Качжисан. Цель – осмотреть наиболее интересные ксилографы и рукописи, что хранятся в библиотеке храма. А пока есть немного свободного времени. Двое студентов из группы остались на автовокзале, чтобы присмотреть за вещами. Остальные, в том числе и я, разберлись кто куда, условившись собраться через сорок минут.

К храму Поримса мы подъехали к 11.10 утра. Со стороны главного входа его территория огорожена каменной оградой. Между деревьями натянут транспарант с лозунгом: «Отправляясь в путь, позвони об отъезде, а прибыв на место, позвони о прибытии». Имеются в виду родственники. Интересный лозунг. Его автор – Корейское агентство связи. Смысл – не только призыв к тому, чтобы почаще пользоваться телефоном. В Корее семейные отношения настолько крепки и важны, что никакой член нормальной корейской семьи не может передвигаться вне дома, не сообщая об этом своим родственникам, с которыми вместе живет. Конечно, в последнее время семейные отношения уже начали изменяться, и связи слабнут. Наверное, агентство решило внести свою лепту как в сохранение традиций, так и в увеличение собственных доходов.

О нашем приезде было известно заранее, и в храмовой столовой нас ждал обед. Монастырская столовая – сугубо функциональное здание с цементными стенами и металлической крышей. Оно могло бы стоять и на стройке, выполняя функции рабочего офиса. Однако пол в нем обогреваемый, то есть ходят по нему босиком, сидят на полу, а обедают за низенькими столиками. Столики были выстроены в длинный ряд. Я, как всегда, немного опоздал. Сел около входа, там, где попрохладнее от легкого сквозняка. Однако это мало спасало от невыносимой жары.

После обеда один из монахов устроил небольшую экскурсию по храму, рассказывая о старинных стелах и буддийских изваяниях. Затем студентам предоставили свободное время, а профессора отправились изучать старинные книги. Для студентов чтение и анализ буддийских книг, написанных на древнекитайском языке, – занятие слишком сложное: не хватает компе-

тенции. Поэтому основной работой занялись преподаватели во главе с профессором Хван Пхэганом.

Профессоров пригласили в узкое одноэтажное здание с несколькими комнатами, расположенными в один ряд, – в дом с традиционной корейской планировкой. Комната, куда мы вошли, напоминала обыкновенный корейский офис: тут и письменные столы, и металлический сейф, и шкафы с папками отчетной документации, и телефон, и кожаные диваны для посетителей. Только хозяевами его были бритые монахи в серых кофтах с широкими рукавами и таких же широких серых штанах.

После короткой беседы хозяева принесли книги, а гости принялись за работу. Одному из монахов – высокому молодому парню с недорогими, но яркими, под позолоту, часами – поручили приготовить чай. Я внимательно наблюдал за его «магическими» действиями.

Сначала он ополоснул заварной чайник горячей водой из большой пиалы. Затем налил горячую воду в чайные чашечки. Через три-четыре минуты вода из чашечек снова была слита в большую пиалу. В эту же пиалу монах добавил свежей горячей воды. Полученная таким образом смесь из горячей воды была отправлена в заварной чайник, в котором уже лежали листья зеленого чая. Спустя некоторое время заварка была налита в большую пиалу, которую монах снова разбавил горячей водой. После этого он разлил чай по чашечкам и предложил гостям.

Если гость хочет выпить чая еще, то в заварной чайник доливаются вода, заварка из него снова переливается в большую пиалу, и уже из нее чай попадает в чашечки. Такая церемония настолько сложна и длительна, что после прохождения всех ее этапов чай уже никак нельзя назвать горячим.

Но не слишком ли увлеклись профессор изучением ксилографов, содержание которых не всегда бывает понятно даже самим монахам? Нужно подумать и о студентах. Завершив часть работы, профессор Хван Пхэган зовет студентов и устраивает им небольшую лекцию об особенностях средневековой корейской ксилографической книги.

Ксилографы бывают двух типов: сделанные с новых досок (###) и с досок, с которых уже снимались отпечатки (###). Знать это необходимо для уточнения датировки книги. Новые ксилографы имеют более четкую печать. В «старых» копиях в столбцах между иероглифами появляются горизонтальные черты – следы от квадрата, в котором мастер вырезал письменный знак. Кроме того, в конце книги, как правило, указывается год, когда были сделаны доски для печати. Иногда там встречается имя резчика.

Что касается дат, то здесь тоже есть интересные особенности. В принципе, корейский лунный месяц делится на три декады – верхнюю, среднюю и нижнюю (##, # #, ##), однако очень часто в текстах пишется не слово «декада», а слово «стирка» – *хан* (#), то есть «верхняя стирка», «средняя стирка» и «нижняя стирка», поскольку в старину как раз было принято мыться и стирать один раз в десять дней. При этом служилое сословие – *янбане* – на время стирки могло получать небольшой отпуск.

Еще профессор Хван говорил, что иногда на бумаге ксилографа можно заметить прозрачные линии – «линии напряжения», которые образовывались оттого, что мокрую бумагу брали пальцами.

Однако лекция закончена. Студентам уже больше нечего делать в монастыре. А профессора еще не завершили изучение материалов. Поэтому принимается решение: студенты пойдут вперед в *совон* Кансон (#####), что находится неподалеку, начнут практиковаться в снятии отпечатков со стелы, а преподаватели, закончив работу, подойдут позже. Я отправился вместе со студентами.

Деревня Кынъённи, где находился *совон*, расположилась на противоположном берегу небольшой речки Вольчхон, которая из-за проливных дождей вышла из берегов. «Мост» из

камней, положенных на дно, местами был залит бурным потоком. Поэтому для перехода на другую сторону пришлось снять обувь и закатать штанины.

Совон Кансон находился в самом конце деревни. Жители ее, встречавшиеся нам на улице, искоса поглядывали на столичных гостей, но не говорили ни слова. Ворота на территорию *совона* не были заперты, и мы беспрепятственно вошли туда. Замок висел лишь на воротах, отделяющих храм предков от остальной части. *Совон* Кансон был основан в 1785 году в честь конфуцианского ученого Мун Икчома (# ##, 1329–1398), который был выходцем из уезда Кансон.

Не спеша студенты подошли к крыльцу учебного корпуса *совона*, сложили вещи. И в этот момент, откуда ни возьмись, появился старик в традиционной корейской аристократической (*янбанской*) одежде белого цвета, то есть поверх кофты *чогори* на нем был надет белый халат *турумаги*. Однако шляпа на его голове была вполне европейская, белая, которая, несмотря ни на что, прекрасно гармонировала со всем национальным костюмом. Старик подошел к студентам, сел на крыльцо, раскрыл книгу – современное переиздание старинного корейского ксилографа с текстом на древнекитайском языке – и начал ее читать: сначала по-китайски, но с корейским произношением. Затем принялся, что называется, с листа делать перевод на современный корейский язык и комментировать его. Студенты, как это и полагается при общении со старшим, без лишних слов окружили старика и стали слушать его комментарии. Как я понял, книга представляла собой историческую хронику данной местности.

Старик читал с огромным вдохновением – наконец-то в его деревне нашлись ученики, готовые воспринять традиционные знания. Однако, как мне показалось, «ученикам» было довольно скучно. Некоторые из них постепенно отошли в сторону и начали готовиться к снятию копии-отпечатка со стелы, расположенной тут же.

Почувствовав настроение слушателей, минут через сорок старик перестал читать свою книгу и куда-то исчез.

Студенты приступили к снятию копии-отпечатка (*тхакпон*, ##) со стелы, содержащей краткую историю образования *совона* Кансон. На этот раз в порядке их работы были некоторые отступления от правил: во-первых, стелу не мыли. Мне сказали, что она и так чистая, да и воздух чересчур влажный, чтобы ее мыть. Во-вторых, тушь не растирали, как это обычно делается, а использовали уже готовую жидкость.

Пока студенты работали со стелой, из храма Поримса подошли профессора, завершившие просмотр рукописей и ксилографов. Они попросили кого-то из студентов сходить за хранителем *совона*. Его адрес был заранее сообщен в уездной администрации. Хранителем оказался старик в традиционных белых корейских одеждах, который уже приходил к нам. Он открыл ворота храма предка, Мун Икчома. Внутри были допущены лишь профессора и я как почетный гость. Студенты остались снаружи. Так же как и в *совоне* Ёнгок, профессор Хван Пхэган, его ученик Кан Чжэчхоль и я совершили поклон предкам, в честь которых построен храм. На этот раз уже никто традиционных одежд не надевал. Но поклоны совершались одновременно и по команде распорядителя – хранителя Кансон-*совона*. В завершение нам была предложена книга почетных посетителей, в которую два профессора и я записали свои имена и адреса. Оказывается, такие книги есть практически во всех храмах предков. На прощание профессор Хван Пхэган передал хозяину деньги – на содержание храма и в знак благодарности за возможность снять копию со стелы.

Пужинали мы в небольшом ресторанчике у автобусной остановки за речкой, которую было уже не так страшно переходить по пути обратно. Воды не стало меньше, но появилась сноровка в перепрыгивании с камня на камень. Ресторанчик был совсем крохотный, в нем подавалась лапша с «китайским», черного цвета соусом из бобов – *чачжанмён* (###). Слово «китайский» я написал в кавычках не случайно. По уверениям самих китайцев, такой еды в их стране нет, но все корейцы почему-то относят это блюдо к китайской кухне.

Ели в спешке, потому что скоро должен был подойти автобус, который направлялся в уездный центр Чанхын. Следующий отправлялся только через час. К счастью, автобус немного запоздал, и мы выехали без происшествий. Из Чанхына наш путь лежал в небольшое селение под названием Панчхон на самом юге уезда, или на самом юге Кореи, у берегов Южного моря¹⁴.

Ехали на обыкновенном рейсовом автобусе – таком, какие ходят по городским маршрутам, – с небольшим количеством сидячих мест, входом со стороны водителя, чтобы пассажир заранее оплатил свой проезд, и выходом посередине. За время нашего пути зашло солнце, и над Страной Утренней Свежести опустилась горячая летняя южная ночь. Мимо проносились какие-то поселки, освещенные разноцветными огнями вывесок. Слева и справа на темно-синем пространстве неба высились сопки или горы, напоминавшие курганы древних государств. В раскрытые окна автобуса врывался теплый ветер, развевая одежду пассажиров, словно флаги. Мы ехали в романтику.

Но вот пора выходить. Темно. Казалось, что автобус остановился посередине поля. Куда идти? Студенты нашей группы, родом из здешних мест, заранее изучившие маршрут, немного растерялись, не зная, куда двигаться дальше. К счастью, нам навстречу вышел уже ожидавший нас заместитель старосты деревни и повел за собой по проселочной дороге, прятанной в стороне от шоссе. Вскоре показалась и сама деревня. Из-за темноты о ее размерах судить было трудно. Провожатый довел нас до небольшого двухэтажного кирпичного здания, оштукатуренного и покрашенного белой краской. В нем располагалась контора деревенской администрации, а также нечто вроде клуба. На втором этаже здания имелись помещения для гостей и кухня. Там нам предстояло ночевать. Однако, хотя было около половины девятого вечера, поздно, спастись никто не собирался. Нам предстояла беседа с местными старейшинами, за которыми отправился заместитель старосты.

Пришли пятеро стариков – все в простой одежде европейского покроя, но с корейским привкусом: одежда была сшита из легких светлых тканей, свободная и без каких-либо намеков на моду. В помещении открыли окна, в комнату врывался свежий ветер с моря, расположенного где-то за холмами. Начался долгий и немного скучноватый разговор.

...Сейчас в деревне живут в основном представители рода Ви (# #). Всего 124 двора. Раньше было больше, 180 дворов, и молодые были. А теперь, как и во всех деревнях, остались только старики. Самому молодому человеку – 47 лет. И, скорее всего, в ближайшем будущем пустующих домов станет еще больше.

Да, нравы сейчас не те, что прежде. Вот была тут недалеко в окрестностях небольшая каменная пагода. Строили дорогу и решили пагоду поставить в другое место. А на время, до принятия решения, сложили каменные блоки на складе. Пока думали, кто-то пагоду украл. Заявили в полицию. Да что толку? Разве найдешь?

А еще в деревне очень интересные лягушки живут. Когда кто-нибудь заходит в деревню, то лягушки молчат. А когда человек выходит, то начинают громко квакать. Так было раньше. Так оно и теперь...

И врывается в окна свежий морской ветер. И течет мерно разговор. Но в беседе самое активное участие принимают лишь профессора. Студенты тихо сидят в самом дальнем углу комнаты и ни о чем не спрашивают. Такое ощущение, что фольклорная экспедиция организована не для студентов, а для профессоров. Совсем не то, что экспедиция чхонанского кампуса университета Тангук, когда всю основную исследовательскую работу выполняли студенты. Наверное, все дело в целях двух экспедиций: одно дело собирать народные песни и изучать

---

¹⁴ Корейские названия морей, омывающих Корейский полуостров, отличаются от тех, которые обозначены на привычных нам картах. Желтое море называется Западным, Японское море – Восточным, а Корейский пролив и пролив Чечжу именуется Южным морем.

диалекты, и совсем другое – искать новые литературные и исторические памятники, написанные на малопонятном студентам древнекитайском языке.

Пока я так сидел и размышлял, пришел, наконец, староста села – загорелый сухоощавый старик с узким лицом, господин Ви Бонхван. Оказалось, что, несмотря на весь свой деревенский облик, в свое время он окончил университет Чосон, отделение родной словесности. Однако создавалось такое впечатление, что староста учился в какой-то традиционной школе конфуцианского толка, уж слишком консервативными были его взгляды. Например, он очень резко относился к современному, чересчур активному употреблению слова «папа» – *anna* (##): «Когда ребенку три-четыре года, и он называет отца “папа”, “папочка”, – это нормально. Но в более старшем возрасте отца нужно называть почтительно – *абочжи* (###). А сейчас и большие лбы, обращаясь к отцу, все также зовут его “папочка”. И даже некоторые жены позволяют себе называть так отцов своих мужей. И это совсем недопустимо! А тут еще новая мода появилась. Называют старших соучеников по школе или университету “старшим братом” *хён* (#). И даже девушки позволяют себе такое обращение! Ну как же такое возможно!»

Спросили Ви Бонхвана, а чем же он занимается, живя в деревне, ведь не сельским же хозяйством? Как ни как, высшее образование есть.

Он ответил, что переводит с древнекитайского на современный корейский язык старые корейские книги, связанные с историей его родины – уезда Чанхын, района Квансан. Книги эти публикуются. Причем такой деятельностью занимается не только он, получивший образование в университете, но и другие его сельчане, учившиеся в традиционных конфуцианских школах.

Кстати, подобные школы делятся на две категории. Одна – уже известная читателю частная школа *совон*. Вторая – средневековое государственное учебное заведение *хянгё* (##), что можно условно перевести как «деревенская школа». В обоих типах учебных заведений есть храмы предков *садан* (##). Однако если в *совоне* эти храмы поставлены в честь реальных исторических личностей, живших в данной местности или как-то связанных с ней, то в *хянгё* храмы воздвигаются в честь Конфуция или его учеников.

Таким образом, разговор перешел на храмы предков *садан*, которыми я особо интересовался, и поэтому мне было позволено задать несколько вопросов:

– Каково должно быть положение рук при совершении поклонов в храме предков? – спросил я, уточняя уже известное мне.

– При совершении поклонов перед живыми предками правая рука должна лежать поверх левой. Совершая поклоны умершим в храме предков, надо держать левую руку поверх правой. Однако для женщин – порядок противоположный.

– А как нужно двигаться, поднимаясь в храм предков?

– Когдаходишь в храм, правая нога идет вперед, а левая приставляется к ней. Когда выходишь – левая нога идет вперед, а правая приставляется. Но каждый род, а то и отдельные большие семьи могут иметь свои собственные правила совершения церемоний – *Ка каре* (## #). Поэтому что-то может и отличаться.

Далее разговор продолжили профессора. В частности, профессор Хван Пхэган спросил, не занимаются ли жители деревни переводами буддийской классической литературы (также с древнекитайского на современный корейский язык). На это Ви Бонхван ответил:

– Нет, просто времени на все не хватает.

Пока шел длительный, более чем два с половиной часа, разговор со старейшинами деревни, я внимательно наблюдал за поведением студентов. Они все это время практически не участвовали в разговоре. Только сидели и слушали. Некоторые откровенно скучали. Однако никто из них даже не двинулся с места ни для отдыха, ни для перемены обстановки. В помещении находились *старшие*, занятые серьезным делом. И без их команды никто не имел права уйти. Вот вам и современная Южная Корея с американизированной молодежью! Кто бы что ни говорил, будто нравы в Корее изменились, – это не так! Лишь Сеул как некий суперцентр,

государство в государстве, может в некоторых отдельных случаях позволить своим жителям, особенно молодым, забыть традиционные общественные отношения. При этом всякий раз, когда любой кореец, независимо от возраста, выходит за пределы субкультуры Сеула, все традиционные особенности национального характера проявляют себя сполна.

Кстати, за все время экспедиции курящие студенты ни разу не курили днем, в присутствии преподавателей, а делали это только поздно ночью, когда никто из профессоров не мог их увидеть.

И уж если говорить о современных корейских повседневных ритуалах, то хочется отметить еще один, который ни разу не нарушался за всю мою историю пребывания в Корее, как Южной, так и Северной: если в коридоре стоят двое, то обходить их можно только *за* спиной, но никак не *перед* говорящими, пусть даже для этого придется попросить человека отодвинуться от стены.

Итак, разговор закончен. Уже около полуночи. Пора спать. Как и в *совоне* Ёнгок, преподавателям выделена отдельная комната. Здесь спать удобнее: чище, нет гнуса, и даже можно воспользоваться подушками из гостиничной части «деревенского клуба». Однако за день тело настолько пропотело, что кожа уже не дышит, и вряд ли можно будет уснуть, если не помыться. Только вот где? Душа нет. Однако студенты быстро находят выход из положения. У здания «клуба – деревенской администрации» есть небольшой, около двух метров, канал оросительной системы. Вода в нем немного мутная, хотя, надо думать, чистая. Студенты моются там. Вслед за ними иду и я. Беру с собой маленький карманный фонарик, спускаюсь к квадратной запруде, три на три метра, где расположена заслонка, регулирующая поток воды, полностью раздеваюсь. Толстые прохладные струи корейской воды, питающей рисовые поля, морской ветер, громкий шелест листьев над головой, небо, частью закрытое низкими темно-серыми торопливыми облаками, – все тело словно рождается заново. Я готов уснуть.

День третий, 26 июля 1995 года.

Как всегда в подобных экспедициях, подъем был ранним, в 6.30. Завтракать отправились в ресторан неподалеку. Но это было не деревенское заведение, а ресторан у шоссе – таких в корейской провинции очень много, и все они называются *гадын* (##) – от английского слова garden, «сад». Конечно же, перед типовым названием «сад» всегда есть имя собственное, нередко связанное с местными достопримечательностями. Внешне такие рестораны – это небольшие одноэтажные строения, чаще всего сложенные из кирпича, с местом для парковки автомобилей. Над входом – неоновая вывеска. Тут же стоит автомат по продаже кофе, что для меня, кому необходим кофеин, особенно летом, было чудесным спасением. Дело в том, что в настоящей корейской глубинке в продовольственных магазинах вы не найдете ни кофе, ни кока-колы. По крайней мере, так было в деревне Панчхон, где мы ночевали. Действительно, зачем старикам кофе? Зато в нем были представлены в самом разнообразном ассортименте изделия из женьшеня – универсального снадобья, укрепляющего здоровье и, как считают корейцы, продлевающего жизнь.

Кстати, если уж и говорить об особенностях корейской провинции, то следует добавить еще одну деталь. В деревне нет общественного телефона-автомата, принимающего к оплате телефонные карты. Есть старый автомат, глотающий монеты, да и тот находится в помещении деревенского магазина, то есть вы можете им пользоваться только в те часы, когда магазин открыт. Ночью же вы оторваны от мира. Конечно, в самой деревне, в частных домах, телефоны есть. Их нет для гостей, то есть для чужаков, которые, очевидно, не так часто посещают местных жителей.

После завтрака вся группа во главе с профессором Хван Пхэганом отправилась к небольшой речушке Чанчхон, чтобы осмотреть еще одно старинное частное учебное заведение, а также попрактиковаться в снятии копий-отпечатков со стел.

Наш путь лежал вверх по горе. Недалеко от дороги протекал ручей. Кто-то из профессоров достал пластмассовый стаканчик и предложил попробовать вкус здешней воды, что мы и сделали. Тем более что подъем в гору по жаре был довольно изнуряющим, и хотелось пить. Корейцы считают, что в Сеуле вода малоприспособна для питья, в то время как горные ручьи не просто чистые, но обладают целебными свойствами.

Совон, куда сначала лежал наш путь, назывался Чанчхончже. Хотя вряд ли его в полной мере можно назвать *совоном*. Действительно, по преданию эта школа была основана учеными из рода Ви, выходцами из уезда Чанхын. В ней, согласно тем же преданиям, во второй половине XVIII века преподавал известный ученый Ви Пэккю (###, 1727–1798), имевший литературный псевдоним Чончже (##). Второй слог псевдонима как раз и вошел в название школы. Однако в ней не было храма предков, поэтому нельзя говорить, что это был *совон*. Рядом со школой находился жилой дом смотрителя. Когда мы заходили в помещения школы, навстречу нам попались около пятидесяти детей лет 12, собиравших вещи и покидавших ее территорию. Очевидно, они приехали сюда вместе со своими преподавателями на экскурсию и провели тут ночь. Так я узнал, что некоторые *совоны* могут играть роль летних гостиниц. Школа Чанчхончже ничем особенным, по крайней мере внешне, не выделялась, за исключением, пожалуй, ее старинного учебного устава, высеченного на деревянной доске и прикрепленного у входа в один из корпусов.

Сделав несколько фотографий, имевших скорее туристический, нежели научный характер, студенты отправились дальше вверх по горе к стеле, с которой предстояло снять копии. Стела содержала жизнеописание одного из выдающихся представителей рода Ви. Она была очень старой, покрытой плесенью. Иероглифы местами стерлись от времени и непогоды.

На этот раз я был не просто зрителем, но и активным участником снятия копии-отпечатка. Получалось настолько хорошо, что профессор Хван Пхэган вторично «выдал мне лицензию» на самостоятельное снятие копий. Конечно же, это было сказано отчасти в шутку (хотя качество моей печати было неплохим), поскольку никто в Корее, по крайней мере по закону, не может себе позволить снимать подобные копии по своему усмотрению. Прежде чем приступить к такому ответственному делу, необходимо получить специальное разрешение у местной администрации, которая более всего обращает внимание на степень квалификации человека, чтобы памятник не оказался поврежденным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.